

Морское право

МОРСКАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ И ДЕЕСПОСОБНОСТЬ ГОСУДАРСТВ

М.И. Л а з а р е в*

§ 1. Сущность проблемы

В течение почти 60 лет понятие правоспособность и дееспособность в международных отношениях почти не упоминалось в советской литературе по международному праву, не говоря уж о раскрытии содержания этого понятия. А между тем, раскрытие этого понятия в современном, многогранном международном праве, его сущности и значения интереснейшая область дальнейшего развития современной теории международного права.

В советской литературе международного права написаны очень полезные и глубокие работы о международной правосубъектности, международных правоотношениях и праве, но ничего не написанного о таких важных элементах правосубъектности, как международная правоспособность и международная дееспособность и их соотношении; хотя они зримо или незримо присутствуют и просятся в научное исследование.

По нашему мнению, наиболее полный анализ международной правосубъектности государства, а также раскрытие соотношения права и правоотношения возможны только в результате выявления правоспособности и дееспособности субъекта международного права.

И от этого вопроса никуда не уйти, потому, что правоспособность и дееспособность, реальные элементы правосубъектности и правоотношения.

Существует ряд причин, по которым в доктрине международного права, в частности в советской международно-правовой литературе вопрос о международной правоспособности и дееспособности перестал освещаться.

Одна из причин состоит в том, что современная доктрина международного права считает, что разрыв между международной правоспособностью и дееспособностью государства не имеет большого значения, не влияет на его правоспособность, не меняет правосубъектности государства.

Государство считается субъектом международного права, даже если

* Профессор, доктор юридических наук. Подробнее об авторе см. в № 1 нашего журнала за 1992 год.

оно обладает малой дееспособностью (малые, слабые, зависимые государства).

Вторая причина состоит в опасении совершить теоретическую ошибку, против которой уже не раз поднимался голос, а именно: переносить категории гражданского права на международно-правовые отношения. Некоторые ученые-международники считают, что правоспособность и дееспособность — категории сугубо гражданско-правовые и их рецепция в науке международного права недопустима.

Однако, как мы это покажем, это не так. Рецепция гражданско-правовых конструкций с определенными оговорками, связанными с суверенным, державным характером отношений государств допустима, возможна и в области науки международного права и в других системах науки права. Гражданско-правовые конструкции уже давно и широко с пользой для дела применяются в теории и практике международного права.

Кроме того, как это будет показано дальше, категории правоспособности и дееспособности не являются монопольными категориями только субъекта гражданского права и имманентны для субъекта права вообще.

Еще одной из причин, по которой в нашей литературе вопрос о международной дееспособности государств был забыт и игнорировался или считался несуществующим являлось то, что в эпоху колониализма давалась колониальная, реакционная интерпретация такому важному элементу международной правосубъектности, как международная дееспособность, а колониальные народы объявлялись недееспособными и подлежащими опеке как маленькие дети.

Но, как известно, колонизаторы и империалисты давали свою реакционную интерпретацию не только дееспособности, но и правоспособности, что, однако, не помешало демократической науке продолжать заниматься правоспособностью и давать ей новое правильное демократическое толкование.

Кроме того, колониальная, империалистическая интерпретация тех или иных категорий права и международного права, в том числе, не только не снимает необходимости демократической разработки основных вопросов государства и права, но наоборот, предполагает ее, ибо, нравится ли это кому-нибудь, или нет, идеология незримо всегда присутствует.

Вопрос о дееспособности стал особенно актуальным в нашу эпоху. Значение четкого представления вопроса о дееспособности государств сегодня возросло, особенно в связи с усилением международно-правового регулирования отношений государств на Мировом океане в условиях, когда, например, их международная правоспособность, основанная на десятках и сотнях международных договоров и соглашений позволяет им совершать самую разнообразную деятельность в акваториях Мирового океана, но в силу тех или иных причин, они этого не делают и их дееспособность ограничена.

Особая актуальность выяснения причин расхождения между правоспособностью и дееспособностью государств в международных морских

отношениях и способов преодоления этих расхождений, дает о себе знать повседневно.

Но, пожалуй, нигде так ясно и определенно не заметен разрыв между правоспособностью и дееспособностью государств, как в области космического, а также ядерного права.

Если в ряде других отраслей международного права, например, в области международного морского права, этот разрыв с каждым годом все больше и больше сокращается для многих государств, осваивающих морскую и океанскую технику, экономику, политику, то в области космического и ядерного права этот разрыв особенно контрастен. Объясняется это тем, что космическая и ядерная деятельность пока еще, является делом немногих стран, а освоение космической и ядерной энергии упирается в дорогостоящую подготовку кадров специалистов, создание и освоение сложной и дорогой космической и ядерной техники.

Разрыв между правоспособностью и дееспособностью. Касаясь вопроса об отставании дееспособности большинства государств от их правоспособности следует указать, что такое отставание может быть, вызвано не только чисто объективными причинами (слабая экономика, недостаточная техническая оснащенность данной страны, отсутствие у нее соответствующих средств и кадров и т. д.), но и субъективными причинами.

Последние могут состоять, например, в том, что по тем или иным причинам, то или иное государство не считает возможным или необходимым трансформировать свою правоспособность в дееспособность. Например, определенная группа государств входит в определенную международную организацию международного целевого характера, в то время как другие государства не считают для себя выгодным и целесообразным участвовать в этой или подобной международной организации.

Такое расхождение между правоспособностью и дееспособностью является добровольным, и может быть отнесено к субъективному фактору, хотя, в конечном счете, в основе этого субъективного решения правительства может лежать экономическая мотивация.

Можно заметить, что "ножницы" между дееспособностью и правоспособностью на суше значительно меньше, чем на море.

Это объясняется теми дополнительными трудностями, которые ставит человеку гидросфера. Это особенно верно в вопросах добычи полезных ископаемых со дна моря и другой деятельности, возможной лишь при наличии высокоразвитой науки и техники.

Это объясняется также тем, что освоение сухопутных территорий, прокладка железных, шоссейных и воздушных дорог в основном уже, как правило, завершены. Геологические и иные потенции материков и континентов, в основном, уже разведаны и используются, чтобы не сказать, что они близки к исчерпанию в пределах нашего столетия.

Между тем, Мировой океан, его глубины и дно до сих пор еще представляют, в значительной мере, *terra incognita** в силу тех препятствий, которые ставит человеку гидросфера. Последняя требует сложную, мощную и совершенную морскую и океаническую технику, которой располагают пока еще немногие государства.

* Земля незнаемая, неизведанная (*лат.*)

Отсюда ясно, что в то время как современное международное право и режим океана предоставляют всем государствам и народам и на суше и на море равную правоспособность, дееспособность государств на море сильно отстает и тормозится отсутствием соответствующих технических и иных возможностей.

Приведем пример правоспособности. Каждое государство имеет право ловить рыбу в открытом море. Это общая правоспособность, вытекающая из принципа свободы открытого моря и конкретизирующего его принципа свободы рыболовства.

Государство заключает соглашение о порядке лова рыбы в определенной акватории. Это уже конкретная, специальная правоспособность. Если государство начинает лов рыбы, у него возникает конкретная дееспособность — реализуется ряд прав, обязанностей и ответственности в этой области. Это конкретная дееспособность. Если же государство не начинает лова рыбы, налицо лишь конкретная правоспособность, правоотношение не реализовано, ибо здесь отсутствует такой важный элемент как дееспособность.

Игнорирование такого важного элемента, как дееспособность означало бы, признание, что еще до фактического лова рыбы, государство, на основе права, уже имеет рыбный улов, что, конечно нонсенс.

Международное правоотношение — это правоспособность плюс дееспособность государств в международных отношениях.

Пример дееспособности. На основе ранее заключенного соглашения о сотрудничестве в области рыболовства, одно государство, во исполнение этого соглашения, помогает другому государству в разведке рыбных запасов, строительстве рыбного порта, подготовке кадров и поставке рыболовческих судов. (Такова была большая помощь Советского Союза Перу, демократическому правительству Альянде в Чили и другим странам). Если эти реальные действия совершаются (на основе международного договора), то они составляют международную дееспособность, а правоспособность, дополненная дееспособностью образует правоотношение.

Если же эти действия не совершаются и правоспособность сторон не дополняется дееспособностью, правоспособность остается правоспособностью (на бумаге, на которой написан договор), в результате чего не возникает правоотношения.

Наконец, легко заметить разницу между правоспособностью и дееспособностью в случае, когда на основе международного соглашения Международный союз электросвязи предоставляет государствам радиочастоты, в том числе и над Мировым океаном, а конкретные государства уже могут использовать или не использовать это свое право.

Хотя расхождение, а иногда и большой разрыв, между правоспособностью и дееспособностью детерминирован, и как показывает исторический опыт, преодолеть его волюнтаристскими мерами невозможно, тем не менее, принятие новых норм, направляющих и развивающих научно-технический прогресс, научно-техническое сотрудничество государств и их соответствующую политику способно содействовать сокращению этого разрыва.

Примером разрыва между правоспособностью и дееспособностью

является также дистанция, образовавшаяся между нормами американо-советского торгового соглашения 1972 г., с одной стороны, и невозможностью их реализовать на практике в результате его срыва в 1975 г. американской реакцией через сенат США.

Разрядка международной напряженности вдохнула жизнь в ряд латентных статей Устава ООН¹, открыла путь к заложенным в нем потенциам, создала определенные условия для превращения правоспособности государств и народов в области поддержания мира и всех форм международного сотрудничества в дееспособность государств.

Факторы, влияющие на правоспособность и дееспособность государств. Все факторы, влияющие на политику государств, на их существование в современном мире, влияют самым непосредственным образом на правоспособность и на дееспособность государств. Среди этих факторов: политика других государств, национальное и международное общественное мнение, географический, экономический, социальный и демографический. Так, касаясь последнего, отметим общепризнанность того, что в связи с сильным увеличением населения страны усиливаются ее экономические, продовольственные трудности, растут потребности.²

Все это побуждает правительство соответствующей страны, с одной стороны, расширять конкретную правоспособность своего государства в целях легализации определенных международных потребностей и международных интересов и узаконения возможных действий данного правительства в международных отношениях в данной области (например, ассигнований на исследование морей, строительство платформ в интересах добычи морских ресурсов, а также для научных, рыбопромысловых и других целей и т. д.)

С другой стороны, все это побуждает правительства расширять дееспособность государства, переводя латентные нормы в динамичные. Таким образом, рост населения влечет рост потребностей, а последние стимулируют, наряду с научно-техническим прогрессом увеличение правоспособности и дееспособности государств.

Необходимо отметить, что в силу основных принципов современного международного права все государства сегодня не только правоспособны, но и дееспособны. Сегодня нет неправоспособных или недееспособных народов. Но было бы неправильно считать, что правоспособность и дееспособность слиты, что это одно и то же, ибо, как будет показано дальше, это различные элементы правосубъектности государств.

Способность претворить право в жизнь у разных государств по тем или иным причинам, объективным или субъективным, разная.

Общая "эталонная" правоспособность и дееспособность государств, вытекающая из основных принципов современного международного права, при расшифровке ее в конкретных специальных международных правовых отношениях, превращается в специальную правоспособность и в ряде случаев в сильно отстающую от нее специальную дееспособность.

Сущность концепции. Для того чтобы яснее представить себе тот смысл, который мы вкладываем в понятие международной морской правоспособности и международной морской дееспособности сошлемся

еще на пример. Так, все современные государства имеют право бурить морское дно и добывать нефть, газ и другие минеральные ресурсы. В этом отношении все государства обладают морской правоспособностью. Однако, пока еще немногие государства могут заниматься “морским горным делом”. В этой связи мы констатируем, что их морская дееспособность отстает от их морской правоспособности. В этой специальной области “морского горного дела” дееспособность большинства государств сильно отстает от их правоспособности.

Другой пример. Все государства имеют право держать в Мировом океане свой научно-исследовательский, например, космический флот для всевозможных космических научных исследований и в этом все они правоспособны. Но пока еще, только Россия и США могут содержать этот очень сложный, дорогой и очень важный для науки, для всего человечества флот.

Из этого следует, что в части реализации этого своего специального права, государства не достигли еще соответствующей специальной дееспособности.

Хотя в настоящей работе применяются термины правоспособность и дееспособность, это не означает, что они механически переносятся из цивилистики на международно-правовые категории.

Но обойтись без этих терминов и понятий, и в международном праве и в международных отношениях мы не считаем возможным, так как они выражают определенное юридическое и фактическое состояние государств в международных отношениях и помогают лучше понять эти отношения.

Небезынтересно отметить, что ст. 6 Венской конвенции о праве договоров 1969 г., указывает, что “каждое государство обладает правоспособностью заключать договоры”. Причем не вызывает сомнения, что речь идет здесь о публично-правовой правоспособности, а не правоспособности заключать гражданско-правовые контракты. Но, где правоспособность, там неизбежно должна быть и дееспособность, т. е. способность не только “заключать договор”, но и “исполнять договор”, реализовать свою правоспособность.

Таким образом, этот международно-правовой документ современности в нормативном порядке, частично высказывает то, что давно назрело, реально существует и не может игнорироваться ни в теории, ни на практике, а именно: наличие у государств международной публичной правоспособности и дееспособности, как важнейших сторон их международной правосубъектности.

Кроме того, ясно, что государство обладает правоспособностью не только в одной единственной области, указанной в статье 6, а именно в области заключения международных договоров.

Очевидно, что государство обладает суверенной, международной правоспособностью во всех других областях современных международных отношений. Такова, например, правоспособность каждого суверенного государства устанавливать дипломатические и консульские отношения, бороться за мир, предотвращение войны, осуществлять научно-техническое сотрудничество, в том числе на морях и океанах и т. д., и т. п.

Напомним, что о международной публичной правоспособности Совета Экономической Взаимопомощи говорит ст. 1 Конвенции о правоспособности, привилегиях и иммунитетах СЭВ.

Этот термин и понятие, также как термин и понятие международной дееспособности государства встречаются в трудах отдельных советских ученых — Т.Б. Ванданова, В.Г. Эмина, И.Е. Тарханова, В.М. Шуршалова и других ученых.

Таким образом, имеются серьезные теоретические и практические причины для такого прочтения проблемы международной правосубъектности государств и их международных правоотношений через призму правоспособности и дееспособности государств.

Эту задачу настоящая работа пытается разрешить на примере международной правоспособности и дееспособности государств в их взаимоотношениях в Мировом океане.

Хотя в нашей литературе общепринята точка зрения об отсутствии у государств международной дееспособности, которая как утверждается, слита с международной правоспособностью государств, мы приняли на себя труд доказать, что невозможно исключать элемент дееспособности из понятия правосубъектности и правоотношений государств в международных отношениях, ибо образно говоря “Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить”.

§ 2. Дееспособность — объективная или субъективная способность государства реализовать свою правоспособность

Нельзя отрицать, что то или иное государство, по тем или иным объективным или субъективным причинам может быть не в состоянии в течение краткого или длительного времени, а иногда, практически, постоянно реализовывать свою правоспособность. Таково, например, положение связанное с реализацией Панамой ряда своих суверенных прав над Панамским каналом.

Инструментом, осуществляющим международную дееспособность государства, является само государство, его разнообразные органы, его внутригосударственное право, международные договоры и международные обычаи в действии или конкретизирующие более широкие международные договоры и соглашения, например Устав ООН, или реализующие основные принципы современного международного права.

Круг органов, осуществляющих дееспособность государства значительно шире круга органов, создающих правоспособность государства. Так, нормы международного права, фиксирующие права и обязанности и ответственность государства, могут создать только законодательные органы, а также органы центральные и зарубежные органы внешних сношений, специально уполномоченные на то лица (например, в прошлом МИД СССР, дипломатические представительства, представители Минморфлота СССР и Минречхоза СССР, ныне России).

А исполнять эти нормы может довольно широкий круг государственных органов, юридических и физических лиц. Например, соглашение о торговле и мореплавании заключается от имени государства узким кругом специально уполномоченных на то лиц и утверждается опреде-

ленным правомочным на то по внутреннему законодательству органом, а исполняя его несколько министерств и ведомств, десятки пароходств и других организаций.

Инструментами создания и конкретной международной правоспособности государства и его конкретной дееспособности являются центральные и зарубежные органы внешних сношений государства, а также международные (в том числе морские) организации, международные конференции, международный договор и международный обычай. Например, органом, призванным приводить в “равновесие” морскую дееспособность государства с его морской правоспособностью является консул данной страны за рубежом, в пределах соответствующего консульского округа. Это зафиксировано в ст. 71 Консульского Устава СССР. Здесь говорится, что консул следит чтобы в портах, внутренних и территориальных водах его консульского округа судам его страны предоставлялись в полном объеме права и иммунитеты в соответствии с законодательством государства пребывания и международными договорами, участниками которых являются СССР и государство пребывания.

Таким образом, из этой нормы видно, что 1) существует правоспособность с одной стороны и дееспособность с другой, 2) между ними может быть разрыв, 3) консул является реализатором превращения правоспособности своего государства в определенных вопросах в дееспособность.

В различного вида международных правоотношениях государства располагают различными органами, средствами, инструментами перевода их правоспособности в дееспособность.

Это могут быть органы самого государства, это могут быть их юридические и даже физические лица. Это могут быть, не в последнюю очередь, межправительственные организации, ООН, специализированные учреждения и другие.

Морская внешняя политика и морская дипломатия государства являются мощным рычагом перевода правоспособности данного субъекта международного права в его дееспособность.

В то время, как правоспособность государства централизована на уровне государств — субъектов международного права, дееспособность государства, т. е. реализация его правоспособности, может быть децентрализована. Например, международный договор заключен на уровне правительства, а реализация его осуществляется на уровне правительства, министерств и ведомств, всесоюзных объединений, общественных и профсоюзных организаций, пароходных и судоходных компаний и предприятий, торговых судов и военных кораблей и т. д.

В капиталистических странах эта децентрализация, в соответствии с частнокапиталистической структурой общества, распространяется на частных лиц, частные фирмы, корпорации и монополии.

В новой России и ныне существующих еще социалистических странах она наряду с этим охватывает и широчайшие органы трудящихся, партийные, профессиональные, молодежные, женские организации.

В осуществлении дееспособности государств могут участвовать как

национальные, так и международные неправительственные организации.

Государство может делегировать свою дееспособность каким-либо общественным организациям. Это особенно характерно для правоотношения социалистических стран, где государства создают на основе своей правоспособности определенные правоотношения, в которых элемент дееспособности может выполняться общественными организациями, организациями трудящихся, их коллективами.

Создание правовых условий для их творческой деятельности и активности народа и его организаций и делегирование большей или меньшей части своей дееспособности общественным организациям — специфическая черта социалистического государства.

Эта специфическая черта социалистического государства полностью соответствуют закону развития международных отношений, в которых все большую и большую роль играют широкие общественные массы, их общественные организации.⁴

Превращение правоспособности в дееспособность. Чтобы стать дееспособностью правоспособность должна получить импульс. Таким импульсом могут быть различные обстоятельства. Например, стремление правительства поднять экономику страны; стремление правительства улучшить оборонное или политическое положение страны (субъективные обстоятельства, как правило, вызванные объективными обстоятельствами), рост населения страны, энергетический голод и другие.

С прогрессом человеческого общества идет процесс постоянной активизации и правоспособности и дееспособности государств.

Не вызывает сомнения, что в современных сложных международных отношениях международная дееспособность государств, по ряду причин, может оказаться в состоянии депрессии.

Дееспособность государств, например, по претворению в жизнь заключенного между ними прогрессивного соглашения может встретить сопротивление со стороны реакции в той или иной договаривающейся стране. Заключение в 1974 г. между СССР и США серии важнейших соглашений по разрядке международной напряженности и обеспечению мира, потребовало значительных усилий для преодоления сопротивления реакционных американских кругов.

Очевидно, что одной правоспособности здесь мало и безусловно недостаточно.

Дееспособность государства в международных отношениях — это также способность адаптировать, приспосабливать свою правоспособность к постоянно изменяющимся условиям жизни.

Переход международной правоспособности государства в его дееспособность осуществляется не автоматически за счет наращивания техники и развития научно-технических средств и результатов, а посредством развития деятельности и определенной политики, в том числе и правовой.

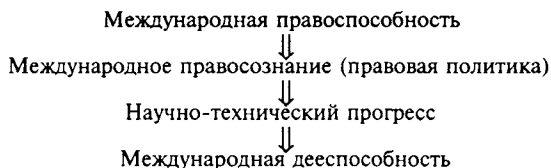
Как известно, конкретные действия человека находятся в прямой зависимости от его мировоззрения.

Применительно к вопросу о превращении международной правоспособности государств в их дееспособность это означает, что между первым и вторым лежит международно-правовое сознание.

Именно оно показывает точную цель и возможные методы и средства ее достижения посредством превращения норм в правовые действия, правил поведения — в правовое поведение, наполненное эффективным содержанием.

Таким образом превращение международной правоспособности в международную дееспособность идет не только через научно-технический прогресс, и другие категории прогресса, но и разумеется, через международное правосознание.

Схематически это можно изобразить следующим образом.

Примером высокой эффективности превращения международной правоспособности государства в его международную дееспособность по сравнению с общим уровнем в мире дают СССР/Россия, США, и некоторые другие государства. Причем эта формально “одинаковая” эффективность превращения своей правоспособности в дееспособность по своему содержанию в целом конечно, различна.

Целью Советского Союза являлось использование международной правоспособности для построения коммунизма в своей стране, помощи другим социалистическим странам в построении социализма и развивающимся странам в упрочении своей независимости и выборе социалистического пути развития, если конкретные народы этого желают, содействие максимальному удовлетворению потребностей трудящихся.

Целью капиталистических держав является использование своей международной правоспособности для сохранения и упрочения капитализма, насаждения неокOLONиализма и максимального извлечения прибыли.

Правоспособность должна постоянно подтверждаться дееспособностью. Это сообщает жизнь международному праву.

Одним из примеров тому является постоянное упоминание, подтверждение и поддержка основных принципов международного права — суверенитета, невмешательства, равенства и взаимной выгоды, мира и мирного сосуществования, верности взятым на себя договорным обязательствам и других в периодических заявлениях правительств, их министров иностранных дел, дипломатических представителей и других уполномоченных.

Правоспособность только тогда что-то значит, когда она хоть немного, но получает отражение в дееспособности.

Возможны случаи, когда частичная, узкая правоспособность одного государства реализуется не им самим, не через его дееспособность, а через дееспособность другого государства.

Так, права Советского Союза/России на демилитаризацию Аландских островов реализуются через дееспособность Финляндии.

Как уже говорилось, дееспособность может заключаться в действии или воздержании от действий. Например, одно государство обязано воздерживаться от нарушения морских границ другого государства. Воздержание от нарушения морских государственных границ государства "А" со стороны государства "Б" будет дееспособностью государства "Б" в данном конкретном правоотношении, т. е. реализацией им своего права на неприкосновенность своих государственных границ.

Однако в тех случаях, когда государство "Б" не осуществляет предписанного ему нормами воздержания от действий и нарушает права другого государства, права на неприкосновенность морской государственной границы другого государства, это последнее имеет право действовать для реализации нормы, в которой оно заинтересовано. В нашем примере оно может защитить свои границы, удалить нарушителя, потребовать его наказания и т. д.

В этом случае, все эти действия государства "А" по защите своих прав на неприкосновенность морских границ будут его дееспособностью. Таким образом, права определенного государства могут быть защищены, как его собственной дееспособностью, так и дееспособностью других государств.

Превращение правоспособности в дееспособность зависит не только от самого государства или благоприятных условий объективного окружения, но и от легальных условий. Например, от внутреннего законодательства одного государства по отношению к другому (преференциальный или наоборот ограничительный режим, установленный, например, в отношении торгового судоходства, военного мореплавания, рыболовства и т. д. в акваториях подпадающих под юрисдикцию государства законодательства).

Превращение правоспособности международной организации в ее дееспособность в значительной мере зависит от внутреннего законодательства того государства, на территории которого находится международная организация (например, ООН и США).

Здесь можно констатировать, что государство реализует определенную часть своей правоспособности через международную организацию, а международная организация реализует свою правоспособность через государство.

В соответствии с правоспособностью, дееспособность государств предполагает реализацию государством не только своих прав, но и своих обязанностей.

Это определяется тем, что в международных отношениях переход правоспособности государств в их дееспособность возможен не только в случае, когда государство само реализует свои права, само действует, но и в тех случаях, когда его правоспособность реализуется через действия других государств. Например, права конкретного государства на невмешательство в его внутренние дела часто определяются не столько наличной силой защитить себя, не допустить вмешательства в свои дела, сколько добросовестным соблюдением этого права другими государствами.⁵

Иными словами, соблюдение этими другими государствами своей обязанности не вмешиваться во внутренние дела определенного госу-

дарства является средством реализации права на невмешательство определенного государства. Известно, что очень большое число государств: малых, слабых, просто микрогосударств, "мини-государств", реализуют свою правоспособность в области суверенитета, невмешательства, ненападения, равноправия и т. д. не потому, что они сами силой защищают каждый раз эти свои права и таким образом свою дееспособность в этой области, а потому, что другие государства соблюдают свои обязанности, корреспондирующие правам этих малых государств.

Такое соблюдение государствами своих обязанностей, вытекающих из основных принципов современного международного права, стало возможным благодаря Великой Октябрьской социалистической революции и последовавшим за нею глубоким кардинальным изменениям в международных отношениях.

Правоспособность и дееспособность — как проявление диалектического закона "парности"

Как известно для всех процессов и явлений объективного мира характерна парность. Она например, выражается в таких противоположных категориях, как: живая и неживая природа; материя и сознание; производство и потребление; базис и надстройка; объективное и субъективное; право и обязанность и др.⁶

По нашему мнению эта же закономерность отражена и в таких категориях, как правоспособность и дееспособность субъекта правоотношения.

В то время как жизнь постоянно напоминает о законе парности, при освещении в международно-правовой литературе вопросов, связанных с международно-правовыми отношениями этот закон почему-то предан забвению. Указывается на правоспособность и умалчивается о дееспособности. Вообще же вопрос о международных правоотношениях и международных морских правоотношениях в литературе освещен очень слабо. Исключение составляет очень интересная и теоретическая глубокая монография В. М. Шуршалова о международных правоотношениях, в которой автор не касается вопросов международной дееспособности государств.

Когда то в международно-правовой литературе оба этих элемента (правоспособность и дееспособность) выделялись, но им давалась реакционная, колониалистская интерпретация, что совершенно исключается современной наукой и практикой, ставящими другие программные цели.

Конечно международная правоспособность и дееспособность государств — это категории глубоко отличные от правоспособности и дееспособности физических лиц.

Правоспособность и дееспособность первых также сильно отличаются от правоспособности и дееспособности вторых, как государство — субъект международного права отличается от физического лица — субъекта гражданского права.

В этой связи сразу надо внести ясность и сказать, что в определение того, что такое международная правоспособность и дееспособность вкладывается совсем другое, нежели в гражданском праве, содержание.

Стоит подчеркнуть удивительное и малообъяснимое положение су-

шествующее в науке международного публичного права, когда широко употребляют термин правоспособность государства и почти не употребляют (а иногда просто отрицают) термин “дееспособность” государства, в то время, как первое предполагает второе.

Интересно отметить, что противники термина “дееспособность” не возражают против термина “правоспособность”. Но почему? Если признается одна часть целого — правоспособность, то должна признаваться и другая его часть — дееспособность.

Это, в частности, опять-таки вытекает из диалектического закона “парности”. Не будем забывать, что диалектика — это “учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи”⁷.

§ 3. Общая и конкретная (специальная) правоспособность и дееспособность государств в международных морских отношениях

Будучи субъектом международного права, каждое государство располагает общей, а также конкретной (специальной) правоспособностью и дееспособностью.

Общая правоспособность и дееспособность государства вытекают из основных принципов современного международного права, из основных принципов Устава ООН.

Каждый такой принцип означает для государства определенные фундаментальные, незыблемые права, обязанности и ответственность. Общая правоспособность государства может рассматриваться как юридическая расшифровка каждого основного принципа международного права.

Общая дееспособность государства является реализацией его общей правоспособности на практике.

Конкретная (специальная) правоспособность и дееспособность вытекают для государства из специальных (конкретных) договорных отношений в определенной области.

Пример общей правоспособности и дееспособности: в силу принципа свободы открытого моря (ст. 3 Женевской конвенции об открытом море): внутриконтинентальные страны могут пользоваться открытым морем и морским берегом.

Но этого внутриконтинентальному государству мало, нужна конкретная, специальная правоспособность и дееспособность: право на пользование определенным берегом, транзитный выход к морю через соответствующий порт, пользование определенными донными участками и т. д. и т. п., что достигается конкретизирующими соглашениями в специальных областях.

Таким образом, помимо общей формулы ст. 3 Женевской конвенции необходимо еще специальное, конкретное соглашение, а затем и его реализация, т. е. конкретная дееспособность.

Общая правоспособность государства — не отменяемая волей государств, ибо она связана с *jus cogens* (основные принципы — *лат.*) современного международного права.

Специальная правоспособность — отменяема. Она может быть прекращена с отказом от соответствующих международных договоров и соглашений (мы здесь не касаемся вопроса о том, правомерен или нет отказ от специального международного договора или соглашения, что является самостоятельным вопросом факта).

Государство может отказаться и от своей специальной дееспособности. Для этого ему достаточно прекратить выполнять нормы поведения, предписанные в специальных международных договорах и соглашениях.

Как правило, государство не может отказаться от своей общей дееспособности, поскольку она опять-таки связана с *jus cogens*.

Специальная дееспособность государства — это способность государства реализовать свою специальную правоспособность.

Создавая, конкретные нормы международного права по специальному вопросу государства уже реализуют свою общую правоспособность, т. е. переводят общую правоспособность (например, способность заключать международные договоры) в конкретную дееспособность фактом заключения международного договора.⁸

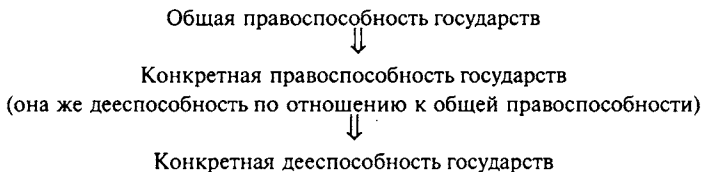
Общая правоспособность всех государств на суше, на море, в воздушном и космическом пространствах однозначна и равна.

Однако на Мировом океане дееспособность государств резко отставала от их правоспособности. То же происходило, если не в большей степени, в воздушном пространстве. А в космическом пространстве до выхода туда человека общая дееспособность государств, а также их общая правоспособность соотносились друг к другу как 0 : 100. Лишь научно-технический прогресс и потребности общества способствовали движению дееспособности государств навстречу их правоспособности.

Общая правоспособность государств начала расшифровываться в конкретной правоспособности государств, когда способность иметь права, обязанности и нести ответственность в определенной сфере стала указываться определенно в виде специальных норм, фиксирующих права, обязанности и ответственность в специальной области отношений государств.

В этом плане, конкретную правоспособность государств можно рассматривать как продукт деятельности государств по реализации их общей правоспособности и, следовательно, как вид дееспособности государств, их промежуточную дееспособность между общей дееспособностью государств и их конкретной дееспособностью.

Таким образом, схема выглядит следующим образом:

Общая дееспособность государств может считаться вытекающей, как

1) их имманентных прав, так и из

2) общей совокупности основных принципов и норм международного права, содержащихся в действующих международных документах общего характера.

Говоря о первом, укажем на совершенно справедливую трактовку естественных прав В. А. Тумановым.

Говоря о втором, сошлемся на оценку значения этих принципов и норм в трудах советских ученых Ф.И. Кожевникова, Е.А. Коровина, Г.И. Тункина.

Возможны случаи, когда в одном и том же правоотношении при общей одинаковой правоспособности договаривающихся государств (например, право сторон на всеобщей мир, мирное сосуществование и международную безопасность), их конкретная правоспособность будет разной (например, одно государство имеет право требовать от другого демилитаризации определенной территории, определенных островов, а другое обязано скрыть определенные военно-морские укрепления, ликвидировать военно-морские базы, не создавать новых укреплений и т. д.). Разной в этом случае будет их дееспособность и по виду действий и по объему этих действий.

В этом случае схема отношений государств может выглядеть следующим образом. Государство "А" и государство "Б" участники специального международного соглашения. Их общая правоспособность равна. Но их конкретная правоспособность не равна друг другу. Она может быть больше или меньше, чем у контрагента. Не равны друг другу и дееспособность государства "А" и дееспособность государства "Б". Она также может быть больше или меньше, чем у контрагента.

Возникает интересный теоретический вопрос: существует ли в международных отношениях положение, когда государства не имеют ни правоспособности, ни дееспособности, так сказать, "вакуумное положение"?

Ответить на этот вопрос не так-то просто; если учесть, что в современном мире все сколько-нибудь значительные отношения между государствами на литосфере, в атмосфере и в космосе подлежат регулированию нормами права. А общие принципы следуют в любое пространство деятельности государств (например, в космос). Следовательно, даже там (в тех международных отношениях, где нет конкретных норм и принципов международного права), действуют общие принципы и нормы международного права и, следовательно, существует общая правоспособность государств.

Но общей правоспособности совершенно недостаточно для реализации прав, обязанностей, а иногда и ответственности государств. Для этого необходима конкретная правоспособность.

В этом плане можно говорить, что отсутствие на каком-то отрезке времени конкретной правоспособности государств есть своеобразное состояние лакуны, правовой вакуум в специальной области, который государства хорошо чувствуют, когда возникает необходимость правового регулирования и, который они стремятся в этом случае заполнить.

В этой связи можно отметить, что не случайно даже наличие деклараций Генеральной Ассамблеи ООН государства по таким вопро-

сам, как о запрещении ядерных испытаний, о невыводе на космическую орбиту объектов с ядерным оружием на борту и другие, государства заменяли конкретными международными договорами по соответствующим вопросам.

Следовательно, в определенной мере, для конкретных целей, общая правоспособность государств это еще определенный специальный правовой вакуум в смысле отсутствия конкретных правовых обязательств и конкретных регуляторов. Но общая правоспособность не означает вообще отсутствия права или неприменимости права к определенным отношениям, как это утверждали сторонники известной теории “правового вакуума”. Последние вообще отрицали применимость права к определенным отношениям, например, в космосе.

В современную нам эпоху общая правоспособность и общая дееспособность государств всегда универсальны, т. е. вытекают из общепризнанных фундаментальных принципов международного права *jus cogens* они охватывают все государства и народы нашей планеты.

Конкретная же правоспособность и дееспособность государств, связанные с заключением и исполнением международных договоров и соглашений по специальным вопросам, охватывают определенные круги государств, определенный круг объектов и связанных с ними отношений.

Кодификационная работа в какой-либо специальной области международного права на основе общих принципов международного права или крупных основополагающих документов (Устав ООН, Женевские конвенции 1958 г. по морскому праву, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. и др.) может рассматриваться как дееспособность (так как она осуществляется на основе права и для права), создающая правоспособность.

Таким образом, в случае специальной кодификации в какой-то конкретной области отношений государств, дееспособность создает правоспособность, предшествует ей, в отличие от общей схемы: при которой правоспособность предшествует дееспособности.

§ 4. Фактические действия государств в международных морских отношениях, не являющиеся дееспособностью.

Возражающие против введения понятия “дееспособность” государств в международные правоотношения говорят, что эта категория якобы не юридическая, а фактическая и, что поэтому такое введение означает смешение факта (факта реализации права) с самим правом. Но они при этом забывают, что без реализации права нет и самого правоотношения. Право не будучи реализованным не дает нам правоотношения и остается только правом. Правоотношение образуется действием, совершаемым на основе права.

А это означает, что дееспособность является составным элементом всякого правоотношения. Это означает, что дееспособность является категорией юридической.

Дееспособность в одних видах правоотношений может быть большей, в других меньшей, но она никогда по сумме реализуемых прав и

обязанностей не может быть больше правоспособности государства, которой дееспособность должна соответствовать.

По одному виду международных отношений дееспособность может быть более интенсивной, по другому виду международных отношений — менее интенсивной, в зависимости от многих факторов (потребность государства, возможность государства, объективная международная обстановка и др.).

Если фактическая деятельность государства в определенной области международных отношений превышает правоспособность государства в этой области, то это уже не дееспособность, а фактическая деятельность государства, выходящая за рамки его правоспособности.

Таким образом, термин “дееспособность” государства нами отнюдь не смешивается с фактическими действиями государства.

На самом деле наоборот. Мы отделяем действия государств, основанные на международном праве от действий государств, не основанных на международном праве.

Нет причин смешивать действия государств на основе и во исполнение международного права с действиями, не опирающимися на это право. Такое смешение также неправильно, как неправильно смешивать правомерные действия с действиями неправомерными.

Таким образом, дееспособность государств есть их фактические действия по реализации международного права и на основе этого права.

Международное право плюс действие и создает международное правоотношение.

При анализе взаимодействия дееспособности и правоспособности можно заметить, что дееспособность по отношению к правоспособности может занимать одну из следующих трех позиций:

1. реализовать правоспособность частично (наиболее типичный случай),

2. реализовать правоспособность полностью,

3. выходить за рамки правоспособности.

В последнем случае выход дееспособности за рамки правоспособности может быть также различным

— *inter legem* (в пределах права в широком смысле — *лат.*),

— *contra legem* (против права — *лат.*),

— *preter legem* (около права — *лат.*)

В последних двух названных случаях дееспособность как бы перерастает фактические, не основанные на праве, действия и, таким образом, перестает быть дееспособностью.

Фактическое действие государства может, таким образом, либо подтвердить, либо отрицать роль и значение правоспособности в конкретной области, по конкретному вопросу.

Общеизвестно, что практика применения правовой нормы имеет огромное значение. Практика может фактически “дописывать” норму. Так, во времена Лиги Наций, по ее Уставу в состав Совета Лиги Наций избирались две группы государств: постоянные и непостоянные члены. Фактически же образовалась и третья группа, так как некоторых непостоянных членов избирали на второй и третий срок и на практике их стали именовать “полупостоянными” членами.

Существует не только практика применения, но и практика неприменения прав, правовой нормы. Так, не получили применения нормы Устава ООН, касающиеся деятельности Военно-Штабного комитета. Остались на бумаге правовые положения о создании Свободной Территории Триест. Реальности политики оказались сильнее “фантазии” законодателя.

Фактические действия некоторых государств по занятию 200 мильных территориальных вод, или установлению таких морских экономических зон, в которых отрицаются свободы открытого моря и права международного сообщества, являются не реализацией правоспособности этих государств, а олицетворяют нарушение права, так как у них нет соответствующего правового титула.

Поскольку современное международное право является правом координационным, важнейшим условием признания этих фактических действий государств является, прежде всего, признание их соответствующей дееспособности.

Попытка введения нового режима Мирового океана посредством ликвидации принципа свободы открытого моря и легализации односторонних захватов некоторых прибрежных стран не только не приведет к сокращению разрыва между их правоспособностью и дееспособностью, но наоборот.

Если даже признать такую легализацию в международно-правовом порядке, то хотя права определенных прибрежных государств и будут увеличены, их дееспособность не может возрасти иначе, как за счет процесса развития их производительных сил, экономики и научно-технического прогресса. В результате эти государства по-прежнему не смогут более или менее полно реализовать свою пусть даже вновь приобретенную правоспособность, к тому же расширенную за счет отказа от принципа свободы открытого моря, столь важного для всех государств, для международного экономического оборота, для внутриконтинентальных государств, для технически развитых стран, число которых постоянно увеличивается и будет увеличиваться.

Это означает, что новый режим, если он будет построен на отказе от принципа свободы открытого моря, равноправия всех государств и сочетания интересов всех государств в процессе морепользования, останется мертвой буквой.

Учитывая, однако, что многие государства и мировое общественное мнение осознает все значение принципа свободы открытого моря для мирового экономического и политического общения, а также для реализации национальных интересов (например, выполнения функции обороны государств, имеющих обширные морские границы), скорее всего, что новый режим Мирового океана не будет выработан на основе отказа от принципа свободы открытого моря к чему призывали определенные силы (например на 2 симпозиуме на Мальте в 1971 г., “Мир на морях”) и положение будет оставаться без изменения, пока сама логика мирового развития и определенных интеграционных процессов не приведет к осознанию этого факта всеми.

Итак, ставя вопрос о том, чем отличается дееспособность государства от его фактических действий в международных отношениях можно

сказать, что дееспособность государства — это способность государства реализовать свою правоспособность и сам факт ее реализации. Это действие в рамках права и по реализации права, в то время, как фактические действия государств в международных отношениях, выходят за пределы международного права или совершаются вопреки ему. Фактически, как правило, это нарушение международного права.

Можно заметить, что в современных международных отношениях есть два рода фактических действий государств, не основанных на международном праве и не являющихся следовательно дееспособностью.

Это, во-первых, правомерные фактические действия государств, не являющиеся дееспособностью, и это, во-вторых, неправомерные фактические действия государств, также не являющиеся дееспособностью.

Поясним это примерами.

Фактически правомерные действия и ретроспективная правоспособность государств

Поскольку обычная норма является результатом повторяющихся действий государств, частота которых и последующее признание за которыми юридической силы делают их нормами международного права, следует признать специфику правоспособности и дееспособности государств в области международного обычного права.

Она состоит в том, что действия государств, за которыми в последующем будет признана сила международного права (международного обычая), хотя и являются действиями, не основанными на конкретном писанном действующем праве, тем не менее могут быть признаны просто в качестве фактических действий (не основанных на праве), но должны быть признаны в качестве дееспособности государств.

Такую дееспособность можно назвать “ретроспективной дееспособностью государств”. Вместе с тем было бы неверным думать, что ретроспективная дееспособность государства возникает до его правоспособности в этой области. Ибо раз определенные действия государства в итоге признаются в качестве международного обычая, это значит, что эти действия совершаются на основе права, которым государство руководствовалось в момент их совершения.

Хотя, разумеется, признание этого права также имеет ретроспективный характер и, следовательно, обычная правоспособность также может быть названа ретроспективной.

Таким образом, суммация определенных фактических действий государств в определенной области, за которыми государства признают свойства юридического обычая, приводит к формуле права и правоспособности, а сами эти действия, в силу признания их правомочности *ab initio* (с самого начала — *лат.*), становятся дееспособностью.

Поскольку между фактическими действиями, не основанными на праве, с одной стороны, и дееспособностью, с другой, — существует принципиальная разница, а в констатации международного обычая не всегда присутствует четкость и уверенность, давно признано, что международный обычай, как строго юридический источник международного права сильно уступает международному договору в качестве такого источника. Это однако не значит, что в современном международном

праве не возникают или не могут возникнуть новые международные обычаи. Так, известны примеры возникновения обычаев в наши дни в области космического права (право пролета космического аппарата (ракеты) одного государства через воздушное пространство другого на большой высоте); в области международного морского права (право объявления определенных относительно ограниченных участков акватории Мирового океана временно опасными для торгового судоходства в связи с проведением запуска ракет или стрельб; обычай упрощения морского дипломатического протокола и церемониала, в частности, отмена в ряде случаев пушечного салюта военных кораблей и ответного салюта береговых батарей и ряд других).

§ 5. Несостоятельность нескольких презумпций, отрицающих необходимость вычленения и сравнительного изучения правоспособности и дееспособности государств, как элементов их международной правосубъектности

Презумпция принадлежности терминов правоспособность и дееспособность только к науке гражданского права.

Часто утверждают, что дееспособность — это гражданско-правовая категория, неприменимая в международном праве.

Действительно, гражданско-правовое содержание этого термина, предполагающего, что недееспособно лицо малолетнее или душевнобольное, совершенно неприменимо к такому субъекту отношений (международных отношений), как государство.

Но термин дееспособность является не только термином гражданского права. Термин дееспособность — это термин общей теории права и мы полагаем, что всякий субъект права располагает этими двумя элементами — правоспособностью и дееспособностью со своим специальным, присущим только данной отрасли права, содержанием.

Для того, чтобы понять значение правоспособности и дееспособности государств в международных отношениях, необходимо полностью освободиться от гражданско-правового понимания этих категорий, когда речь идет о них применительно к государству, как субъекту международного права.

В международно-публичном праве содержание этих элементов наполнено совершенно другим смыслом.

Как известно, физическое лицо может быть недееспособным в силу болезни или малолетства. Ничего подобного нет в международных отношениях в отношении государств.

Но государства часто не могут реализовать свою правоспособность в каждом конкретном случае (в определенных случаях), не могут стать дееспособными в силу каких-либо объективных или субъективных причин.

Заключив какой-либо международный договор, государство может годами не торопиться реализовать его, только потому, что у него нет материально-технических или денежных средств для его реализации (объективные препятствия), то ли потому, что оно не считает на определенном этапе целесообразным его реализовать (субъективные препятствия).

Если читатель данной статьи механически будет переносить гражданско-правовое понимание терминов правоспособность и дееспособность на международные отношения и международную правосубъектность государств, то он может дальше не читать ее и закрыть журнал.

Если отсутствие дееспособности в гражданском праве влечет за собой опекунство или попечительство, то отсутствие дееспособности государства в конкретном международном отношении не влечет за собой никакой опеки или попечительства. Государства суверенны и равноправны.

Недееспособность государств в международном праве понятие особое. Например, каждое государство-субъект международного морского права в любой момент способно приобрести научно-исследовательские или рыболовные суда, или морские буровые платформы. Но это может оказаться невыгодным государству экономически, или государство может быть в неблагоприятном географическом положении. Очевидно, что такая недееспособность государства не имеет ничего общего с гражданской недееспособностью физического лица.

То же самое следует сказать и в отношении международной правоспособности. Если правоспособность физического лица в гражданском праве появляется в определенных случаях еще с момента зачатия ребенка в утробе матери, а тем более с момента рождения, то общая правоспособность государств на международной арене возникает с момента провозглашения образования государства, но конкретная правоспособность государства появляется только в случае участия данного государства в тех или иных международных договорах и соглашениях.

Как мы видим и термин “правоспособность”, (который в науке международного права принят без каких-либо оговорок полностью и, который противники применения термина “дееспособность” не отвергают), имеет в международном публичном праве свое содержание и свою специфику.

Если в гражданском праве дееспособность ребенка или душевнобольного лица обеспечивается опекуном или попечителем, назначаемым государством, то дееспособность государства в ряде случаев в международном праве может быть обеспечена самим государством. Например, если государство не может отлавливать нужное ему количество рыбы в открытом море, на основе международных рыболовных конвенций, участником которых оно является, то, как правило, никакое другое государство не будет это делать за него и для него.

Вместе с тем, жизнь, которая сложнее научных схем, показывает, что в определенных случаях отсутствие дееспособности какого-то государства может быть компенсировано помощью другого государства или международной организацией.

Так, государство, лишенное возможности отлавливать необходимое ему количество рыбы, может покупать ее у иностранного государства. Иностранное государство может осуществлять поставку рыбы данному государству безвозмездно, международная организация может помочь иностранному государству реализовать его права в области освоения им его морских ресурсов и т. д.

Ярким примером помощи одного государства другому в осуществлении их дееспособности являлись отношения нового типа, имевшие место между социалистическими странами, отношения в рамках СЭВ, помощь социалистических стран развивающимся. Таковы помощь Советского Союза Кубе, Чили (во времена правительства Альенде) и другим странам в проведении научных исследований на море, подготовка кадров специалистов и т. д.

Если гражданско-правовое содержание (понимание) правоспособности и дееспособности совершенно неприменимо к международной правосубъектности государства, то возникает и другой вопрос: применимы ли вообще понятия “правоспособность” и “дееспособность” к государству?

На этот вопрос следует ответить утвердительно, так как понятия правоспособности и дееспособности не являются категориями, присущими только гражданскому праву и монополизированными наукой гражданского права.

Это категории права вообще, они являются элементами всякой правосубъектности.

Не случайно, в 3-ем издании БСЭ указывается на общую применимость понятия дееспособности в науке права.

“Дееспособность в праве, — сказано здесь, — способность своими действиями приобретать права и порождать для себя юридические обязанности. Понятие дееспособности наиболее разработано и чаще всего применяется в отношениях, регулируемых гражданским правом”.⁹

Из приведенного положения видно, что: 1. понятие дееспособности является элементом права вообще, а не только какой-либо его отрасли (определение говорит о “дееспособности в праве”), 2. понятие дееспособности может быть разработано не только в гражданских правоотношениях (“понятие дееспособности наиболее разработано и чаще всего применяется в отношениях, регулируемых гражданским правом”).¹⁰

Таким образом, рецепируя термины “правоспособность” и “дееспособность”, мы не заимствуем гражданско-правовые термины, так как эти термины могут быть присущими различным отраслям права, 2) не заимствуем содержания гражданского права, так как содержание этих терминов в различных отраслях права будет определяться спецификой отрасли и субъекта ее правоотношений.

То обстоятельство, что термины “правоспособность” и “дееспособность” получили наибольшую разработку в науке гражданского права, еще не означает, что эти термины не могут быть использованы в других отраслях права со включением в них иного содержания, соответствующего профилю отрасли права.

Но, если бы даже эти термины “принадлежали” только гражданскому праву, то и в этом случае указанный довод не является препятствием к его терминологическому использованию в науке международного права. Ведь хорошо известно, что вся юриспруденция часто опирается на конструкции гражданского права, а наука международного права нередко использует термины гражданского права, наполняя их своим содержанием.

Можно назвать десятки терминов гражданского права, навеянных римским правом — “наиболее разработанным техническим правом”.

Среди них: “правопреемство”, “правопреемник” /государство-преемник/; цессия/территории/; дестинатор/ признания/; контрагент /государство-контрагент/; концепции — “общего пользования”, “общего наследия”; международные сервитуты, анклав, и многие другие.

Введение терминов и понятий “правоспособность” и “дееспособность” применительно к межгосударственным отношениям, в связи с правосубъектностью государств не противоречит и канонам общей теории государства и права. Во-первых, потому что общая теория государства и права, умалчивая по этому вопросу применительно к международной правосубъектности государства, не содержит и “запретов” на этот счет. Во-вторых, касается этого вопроса лишь применительно к гражданскому праву и ни в коей мере не обязывает переносить гражданско-правовое понимание этих категорий в международное публичное право.

Таким образом, наука имеет возможность проявить инициативу в развитии этого вопроса применительно к международному морскому публичному праву.

По нашему мнению, именно к такой инициативе и творчеству призывает современная теория государства и права специалистов других отраслей права. Как правильно указывает проф. А. И. Денисов, нужна “всесторонность” в изучении государства и права и борьба с “омертвлением понятий” (в данном случае омертвлением понятия международной правосубъектности государства).

Мы полагаем, что изложенные нами взгляды, обоснованию которых посвящен также последующий текст настоящей главы, соответствует известным тезисам современной теории государства и права о том, что правоотношение — это норма права в действии¹¹, что нормы права сами по себе недостаточны и необходимы волевые усилия субъекта права¹², что преобразование правоспособности в дееспособность протекает отнюдь не автоматически.¹³

Таким образом, термины “правоспособность” и “дееспособность” и как термины общей теории государства и права и как термины гражданского права (по форме, но не по содержанию) вполне применимы в международном праве со своим, специфическим содержанием.

При этом, однако, нужен творческий подход с позиций данной отрасли права, в данном случае международного публичного права.

Допустим ли такой подход и такая рецепция? Вполне, ибо наука международного права, как всякая наука, является творческой.

Возникает также вопрос, для чего рецептировать термины “правоспособность” и “дееспособность”, если с ними, как правило, ассоциируются гражданско-правовые представления?

Не лучше ли принять какие-либо новые термины?

Нам представляется, что нет необходимости в изобретении новых терминов характеризующих правоспособность, по следующим причинам: 1) термины “правоспособность” и “дееспособность” являются устоявшимися терминами общей теории международного права. 2) эти

термины применимы к различным отраслям права, при анализе правоотношения и его субъектов.

3) термины “правоспособность” и “дееспособность” являются очень емкими, выразительными. Они хорошо передают и качественное и количественное состояние субъекта права.

Главное, как правильно отметил Ю. А. Тихомиров, в том, что “каждая отраслевая наука должна найти свой угол зрения”.¹⁴

Может также возникнуть вопрос: зачем пользоваться сложными конструкциями правоспособности и дееспособности государств в международных отношениях и не достаточно ли говорить о ситуациях де-юре, с одной стороны, и де-факто, с другой?

На этот вопрос надо ответить отрицательно.

Обращает на себя внимание, что устоявшиеся термины общей теории государства и права: “правоспособность” и “дееспособность”, просто незаменимы. В них удачно сочетается емкость понятия с его гибкостью и доступностью понимания в различных отраслях права. Если даже понятие де-юре и рассматривать, как равнозначное понятию “правоспособность”, применительно к международному статусу государств, то этого нельзя сказать о понятиях де-факто и “дееспособность” государств.

Это определяется тем, что сама фактическая деятельность государств может быть трех видов.

Понятие де-факто не равнозначно понятию международной дееспособности государства. Объясняется это тем, что понятие де-факто может означать:

1. Фактическую, но законную деятельность государства, не предусмотренную прямо действующим международным правом (например, установление государством в открытом море систем сбора океанских данных (ССОД), проведение научных исследований, промышленной разведки дна международного района и др.),

2. Фактическую, незаконную деятельность государства, являющуюся отрицанием действующего международного права и, следовательно, не являющуюся дееспособностью.

3. Фактическую деятельность государства, предусмотренную действующим международным правом, т. е. международную дееспособность государства.

Кроме того, как уже отмечалось ранее, международная дееспособность государства может быть реализована через а) дееспособность другого государства и б) через дееспособность международной организации.

Например, дееспособность некоторых развивающихся государств, не имеющих своих кадров, техники и капиталов в вопросах стока реки, протекающей по территории этой страны и какой-либо другой страны может быть осуществлена при помощи другого государства или государств, или при помощи соответствующей международной организации.

Презумпция “автоматической” дееспособности государств в международных отношениях

Фактически в международно-правовой литературе бытует мнение,

что наличие у государства, как субъекта международного права правоспособности означает, тем самым, наличие у него и дееспособности.

Существует своеобразная презумпция “автоматической дееспособности” государства. Между тем, ни о каком автоматизме перехода прав, обязанностей и ответственности государства в дееспособность не может быть и речи.

Для перевода международной правоспособности государства в его международную дееспособность, требуются действия и притом действия, основанные на международном праве.

В определенной мере можно говорить об автоматизме появления общей правоспособности государства, как субъекта международного права в целом.

В современную эпоху всеобщего юридического равноправия всех государств и одинаковой юридической силы для всех государств основных принципов современного международного права, можно говорить, что *ipso facto* (в силу самого факта — *лат.*) все государства правоспособны и таким образом можно говорить об “автоматической общей правоспособности государств”, вытекающей из общих принципов современного международного права.

Но уже для перевода общей правоспособности государства в его конкретную правоспособность (заключение конкретизирующих международных договоров и соглашений, по самым различным вопросам) нужны действия.

Поэтому “автоматичность” правоспособности в современную нам эпоху не идет дальше вопроса об общей правоспособности государства, как субъекта основных прав и обязанностей, т. е. общей правоспособности государства, как субъекта международного права.

Что касается конкретной международной правоспособности то здесь уже государство является правоспособным не в силу общих основных принципов международного права, например, вытекающих, в первую очередь из Устава ООН, а в силу тех конкретных международно-правовых обязательств, которые государство приняло на себя в результате своей деятельности в качестве субъекта международного права.

Концепция “автоматической” дееспособности несостоятельна уже потому, что дееспособность предполагает действия, основанные на праве, в то время как автоматический перевод прав и обязанностей в дееспособность предполагает отсутствие действий.

Презумпция “слитности” правоспособности и дееспособности государств в международных отношениях

Важной причиной, по которой вопросы правоспособности и дееспособности государств не разрабатывались в нашей литературе являлось убеждение в том, что поскольку государства суверенны и могут совершать любые властные действия на международной арене, их правоспособность и дееспособность “сливаются”.

Такой взгляд содержится, например, в коллективном учебном пособии по международному праву, в целом очень удачном и интересном, изданном Свердловским юридическим институтом.

Здесь говорится, что правоспособность и дееспособность государств всегда “органически слита”.¹⁵

В содержательной и полезной книге о роли личности в международном праве, по данному вопросу тоже утверждается, что в международном праве правоспособность и дееспособность, как правило, совпадают.¹⁶

Однако жизнь показывает, что правоспособность и дееспособность государств и народов далеко не сливаются и между ними существует большое расстояние, которое нужно преодолеть в упорном труде и борьбе, чтобы их слить.

Ход рассуждений авторов, считающих, что правоспособность и дееспособность “слиты” в субъекте международного права — государстве, следующий. Каждое суверенное государство, говорят они, обладает правоспособностью, т. е. способностью иметь права и обязанности в международных отношениях. Но, раз государство суверенно, раз оно является имманентным носителем суверенных прав и обязанностей, то, следовательно, оно, безусловно, и дееспособно, т. е. способно реализовать присущие ему суверенные права и обязанности.

Если, думают эти авторы, ставить под сомнение дееспособность государства, то тогда, это уже ставит под сомнение и само суверенное государство: какое же оно суверенное государство, если не способно реализовать свои суверенные права, бесспорно присущие каждому государству?

Такой ход рассуждений имеет два недостатка.

Во-первых, он не реалистичен и страдает автоматизмом — автоматически сообщает государству и способность реализации норм международного права и саму реализацию, чего нет в действительности.

Государство может обладать рядом прав, но десятками лет не превращать их в реальность (например, многие внутриконтинентальные страны имеют право на всестороннее пользование открытым морем, но не делают этого; имеют право на установление дипломатических и консульских отношений, имеют право, в частности, открыть свое консульство в порту иностранного государства, но годами не устанавливают отношений и не открывают своих консульств).

Во-вторых, рассматриваемый ход рассуждений страдает догматизмом. Без должного анализа и без обращения внимания во внутреннюю суть явления поверхностно оценивается международная правосубъектность государства и сливаются воедино такие два важных элемента правосубъектности, как правоспособность и дееспособность. А между тем, эти два элемента также сильно отличаются друг от друга, как правовая норма на бумаге, с одной стороны, и правовая норма в действии, с другой; или же как нереализованное еще голое правовое предписание, с одной стороны, и реализуемое (или реализованное) уже правило поведения, — с другой. Очевидно, что должное и сущее — не одно и то же.

Концепция раздельного существования правоспособности и дееспособности государств в международных отношениях субъективно направлена на повышение эффективности международного права и усиление деятельности и действий государств по достижению максимально полезного результата из функционирования соответствующих норм.

В этом ее отличие от концепции “слитности” или “автоматичности” перехода правоспособности государства в его дееспособность.

Презумпция реакционности термина “дееспособность” применительно к правосубъектности государств в международных отношениях

В XVIII—XIX вв. колониальные теоретики международного права для того, чтобы обосновать господство колониальных держав над зависимыми, малыми, слабыми и угнетенными народами, по-своему использовали не только термины “правоспособность” и “дееспособность” и всю теорию международной правосубъектности, но и все международное право, в целом. Все его институты, почти все термины.

Это однако не помешало современной науке послеоктябрьского международного права сохранить, развить и наполнить новым, подлинно демократическим содержанием те нормы и институты, которые использовались буржуазией в своих классовых сугубо эгоистических целях.

Использование буржуазией в своих колониалистских, часто антиобщественных целях таких терминов и институтов основополагающей юридической конструкции, как “суверенитет”, “государство”, “право”, “гуманность”, “невмешательство” и многие другие не скомпрометировало их само по себе в глазах социализма или мирового демократического общественного мнения.

Социалистическая наука международного права не может отбросить фундаментальные юридические категории не только потому, что эти категории использовались в иных классовых целях.

Эти категории при правильном использовании и толковании, наполнении их новым смыслом в интересах демократии вообще и трудящихся классов, в особенности, могут служить и по-прежнему служат, но уже в другом аспекте и другим прогрессивным классам.

Сказанное справедливо и для таких основных юридических категорий международной правосубъектности, как правоспособность и дееспособность государств.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим сначала интерпретацию этих категорий, буржуазными учеными в середине XIX в., в период господства колониализма и империализма, а затем проанализируем то новое и отличное, что характерно для использования этих категорий в послеоктябрьский период.

Если взять классический буржуазный учебник международного права эпохи колониализма и империализма Франца Листа и посмотреть страницы, посвященные вопросам правосубъектности государств, положения связанные с международной правоспособностью и дееспособностью, то мы увидим следующее.

Буржуазная наука международного права исходила из следующих приемов:

1. правоспособность физического и юридического лица механически распространялась на народы, имея ввиду чисто цивилистическое гражданское правовое содержание и толкование;
2. отрицала дееспособность за колониальными и зависимыми народами;
3. связывала международную правоспособность со способностью совершать деликты и нести ответственность за свои действия;
4. связывала правоспособность со способностью вести войну и заключать мир;

5. говорила о полусуверенных государствах и трактовала их, как имеющих ограниченную дееспособность.¹⁷

Иными словами, буржуазная наука международного права, отражая интересы колониализма, использовала эти понятия для того, чтобы доказать, что: 1. не каждый народ правоспособен, 2. не каждый правоспособный народ дееспособен, 3. для того, чтобы доказать, что дееспособность одного народа может быть узурпирована другим народом, имеющим государственную организацию, без его на то добровольного согласия.

Нетрудно заметить, что если старая интерпретация говорила о не-правоспособности и недееспособности народов, то новая указывает лишь на определенную ограниченность дееспособности государств, а это далеко не одно и то же.

За колониальными народами раньше отказывались признать право на международную правоспособность и дееспособность и фактически мешали им создать свое собственное национальное государство.

Теперь такие государства созданы практически всеми народами (за немногими исключениями, которые недолговечны) и речь идет не об ограничении какого-либо народа или государства, а о выявлении реальных потенций всех государств на международной арене в целях оказания им содействия в достижении дальнейшего прогресса.

Если старая трактовка термина "дееспособность" применялась только к колониальным народам, то новая трактовка это полностью исключает. Старая концепция утверждала, что есть недееспособные народы. Новая — исходит из того, что все народы дееспособны, но дееспособность всех народов (государств) в большей или меньшей степени отстает от их же правоспособности.

Отличие новой концепции от старой интерпретации состоит и в том, что, если старая предписывала разрыв между дееспособностью и правоспособностью лишь определенным народам (колоний), то новая указывает на наличие определенного разрыва между дееспособностью и правоспособностью у всех народов в специальных конкретных правоотношениях.

Не только малые и малоразвитые государства, но и большие и технически развитые государства демонстрируют в своих международных отношениях расхождение между присущим им объемом прав, как субъектов международного права, с одной стороны, и в ряде случаев меньшим объемом реально претворяемых в жизнь указанных прав, с другой.

Это обстоятельство, т. е. признание универсальности разрыва правоспособности и дееспособности для всех государств очень важно, так как оно показывает отсутствие какой-либо дискриминации в отношении каких-либо народов.

Новая концепция дееспособности не направлена против какой-либо группы государств, она одинаково применима, как к технически развитым странам, так и к развивающимся странам, как к большим, так и к малым государствам.

Что касается действительно имеющего место разрыва между правоспособностью и дееспособностью каждого государства и всех государств между собой, то это несомненный объективный факт.

Вряд ли кто-либо может его отрицать.

Этот факт является отражением всесилья теории неравномерности развития капитализма, которая продолжает сохранять свою силу. Концепция международной правоспособности и дееспособности государств на современном этапе ее отражает.

Старая концепция в основу международной правоспособности и дееспособности помещала прямые аналогии с гражданским правом (несовершеннолетие, незрелость народа).

Новая это полностью отвергает и в основу анализа помещает суверенные действия государств или воздержание от действий.

Импульсом для этих действий являются такие объективные факторы, как наличие материальных и технических средств для реализации норм международного права, отсутствие помех со стороны других государств и многие другие.

Новая концепция правоспособности и дееспособности государств имеет совсем другие причины появления, а также другие цели и задачи.

1. Она, как уже отмечено, опирается на открытый В. И. Лениным закон неравномерности развития капитализма.

2. Она соответствует детерминированному историей определенному разрыву в уровнях международной правоспособности и международной дееспособности различных государств.

3. Она опирается на объективный закон выравнивания уровней развития социалистических стран.

4. Она опирается на объективный закон выравнивания уровней развития развивающихся стран с одной стороны и технически развитых, с другой.

Если старая концепция была реакционна, так как служила колониализму и империализму, то новая служит делу прогресса и является прогрессивной.

Это, прежде всего, выражается в реалистичности новой концепции — она не закрывает глаза на исторически неизбежный разрыв между правоспособностью и дееспособностью всех государств между собой, а также разрыв между правоспособностью и дееспособностью каждого конкретного данного государства.

Если старая концепция имела целью увековечить разрыв между правоспособностью и дееспособностью колониальных народов, то новая направлена на обратное, на сокращение и ликвидацию такого разрыва и указывает пути для этого (социалистическая ориентация, научно-технический прогресс, индустриализация экономики развивающихся стран, более тесное международное сотрудничество, техническая, научная, политическая и экономическая помощь развитых стран странам развивающимся, содействие ликвидации разрыва при помощи ООН, специализированных учреждений и других международных организаций).

Презумпция отсутствия значимости (пользы) разработки категорий правоспособность и дееспособность применительно к правосубъектности государств в международных отношениях

Наконец, существует еще одно мнение, которое не содействовало разработке вопросов международной правоспособности и дееспособности государств. Мы имеем в виду взгляд, согласно которому выяснение

вопросов, связанных с правоспособностью и дееспособностью государств не представляет сколько-нибудь значительного интереса и ничего не дает теории, а тем более практике международного права.

С этой точкой зрения также трудно согласиться.

Выяснение сущности правоспособности и дееспособности представляет интерес как для теории, так и для практики международного права, потому, что помогает глубже вникнуть в содержание и в форму правосубъектности государств и народов и понять, как правосубъектность, так и форму правосубъектности.

Что касается международно-правовой практики, то и здесь изучение элементов правосубъектности — правоспособности и дееспособности помогает государствам в их вековом движении от минимальной дееспособности к максимальной дееспособности, помогает постоянно сокращать разрыв, существующий между правоспособностью с одной стороны и дееспособностью с другой, присущий каждому государству и, следовательно, содействует укреплению правосубъектности государства, расширению его не только “бумажных”, но и реальных прав, обязанностей и ответственности.

Изучение вопросов правоспособности и дееспособности государств содействует поиску средств, методов и стимулов сокращения разрыва между правоспособностью всех государств вообще и, следовательно, содействует максимальному не только юридическому, но и фактическому уравниванию их прав и возможностей во всем том, что, разумеется, не зависит от таких чисто количественных категорий, как размер территории, численность населения, запасы естественных ресурсов, географическое положение и т. д.

Более того, можно даже сказать, что точное уяснение правоспособности и дееспособности государств и путей их возможно максимального сближения является, в ряде случаев, инструментом, вносящим поправки в невыгодные и количественные условия существования государств.

Так, если какое-либо государство слишком мало для реализации своих каких-либо прав, то оно может объединиться с другими государствами в достижении этой цели и реализовать свои права в рамках коллективной дееспособности.

Другой пример. Если территория какого-либо государства слишком мала для совершения какой-либо акции, например, испытания самолетов, запуска ракет, изучения морского дна и т. д., то это государство может превратить свою правоспособность в данной области в дееспособность, вступая в контакты с другими государствами, арендуя у них наземную территорию, акватории, стоянки и порты для судов, станции наведения за космической аппаратурой и т. д.

Сравнительный анализ правоспособности и дееспособности государств может содействовать ускорению социального прогресса народов.

Ценность рассматриваемой концепции в том, что акцентируя внимание не только на праве и правоспособности, но и на дееспособности, она полнее раскрывает содержание правоотношений, а главное, зовет к действию. Между тем, именно действия субъекта могут создавать действительность, эффективность правовой нормы и эффективность правоотношений.

Важность этого обстоятельства легко оценить, если вспомнить, что именно с принятием правовой нормы миссия права еще никак не заканчивается, а, наоборот, только начинается.

Все зависит от того, будет ли правовая норма применяться и, как, вообще, применяться и как именно применяться на практике. Ни для кого не секрет, что имеется большое число правовых норм, которые были торжественно приняты сторонами, но так и не стали действующими нормами, по тем или иным причинам.

Концепция право-дееспособности государств, таким образом переносит центр тяжести в оценке норм и правоотношений с создания нормы на ее исполнение, а это главное.

Еще нет исследования, посвященного анализу причин неэффективности в тех или иных случаях, норм международного права, причинам их бездействия, но это не мешает констатировать ряд таковых.

Вступившая в законную силу норма международного права может полностью остаться на бумаге, на которой написан договор и никогда не увидеть света по таким причинам, как: 1. империалистическая или неокOLONиалистская политика, создающая барьер "движению" нормы, 2. изменение обстоятельств, на которые рассчитывали обе или одна из сторон договора, 3. охлаждение политических отношений сторон, 4. инертность сторон, вызванная экономическими и другими причинами, 5. отсутствие денежных средств для введения определенной системы норм в действие (например, об ответственности за ущерб, нанесенный загрязнением моря) и другие.

Мы уже не говорим о том, что идеальное правоотношение всегда лучше реального, хотя бы в силу того, что задумать всегда легче, чем исполнить.

Из теоретических положений, связанных с анализом правоспособности и дееспособности государств следует и другие важные выводы.

1. Не всякие фактические действия государств на Мировом океане создают права, обязанности и ответственность для государств, а только такие, которые совершаются во исполнение норм или принципов международного права.

2. Любые фактические правонарушающие действия государств влекут, однако, ответственность для государств.

3. Выяснение наличия и причин расхождения между правоспособностью и дееспособностью как одного, отдельно взятого государства, так и различных государств между собою содействуют преодолению их неравного положения по отношению к Мировому океану, способствует утверждению и более полному раскрытию принципа равноправия всех государств на Мировом океане.

4. Объясняются причины неравной дееспособности различных государств на морях и океанах.

5. Утверждаются права колониальных и бывших колониальных и зависимых народов, за которыми теоретически и практически старое дооктябрьское международное право отрицало правосубъектность. Создаются основания для дальнейшего развития государств, их активности в международных отношениях и в первую очередь для развивающихся.

6. Стимулируется достижение возможного максимума выгод и благ,

проистекающих из большего акцента на использование норм международного права.

Концепция дееспособности оказывает прямую помощь развивающимся странам.

Поскольку констатируется, что развивающиеся страны, в ряде специальных правоотношений имеют невысокую дееспособность, а как подчеркивается, современное международное право имеет своей целью максимальное содействие установлению не только формального, но, по возможности, и фактического равенства всех государств в реализации их прав, сразу возникает практический вопрос о содействии технически развитых государств и международных организаций развивающимся странам в поднятии их дееспособности.

Именно установление факта высокой или невысокой дееспособности страны является морально-политическим основанием для международно-правовых мероприятий. Это — помощь и содействие той или иной стране в ее развитии.

Уровень дееспособности является критерием и основанием для освобождения той или иной страны от определенных финансовых и иных обязательств. (Именно реальный учет уровня дееспособности пяти основных держав в области охраны мира и международной безопасности был учтен авторами Устава ООН при предоставлении им постоянных мест в Совете Безопасности ООН. И, как известно, история это полностью оправдала).

Например, экономические возможности развивающихся стран и потребности их развития учитываются в Неофициальном Сводном тексте для переговоров, подготовленном, III Конференцией ООН по морскому праву (см. напр., ст. 208, п. 4).

Вместе с тем, не всегда возможны определенные привилегии. Например, послабления в области права охраны окружающей среды, как это правильно указывает Л. В. Сперанская, может повести к нежелательным для нашей планеты последствиям.¹⁸

Расхождение между правоспособностью и дееспособностью, а также сама констатация такого разрыва, ни в коем случае не должны восприниматься, как знак пессимизма и обреченности дела регулирования международных отношений и их революционного преобразования в интересах народов.

Наоборот, этот разрыв должен восприниматься, как стимул, генератор для все более возрастающих действий, направленных на оптимальное достижение объективно стоящих перед народами целей.

Поскольку именно разница между правоспособностью и дееспособностью толкает государства и народы к ее преодолению и, следовательно, движению. Более того, диалектика такова, что разрыв между правоспособностью каждого государства и его дееспособностью (включая все технически развитые страны) может даже рассматриваться, как явление положительное.

Именно в процессе движения от правоспособности к дееспособности происходит максимальная творческая мобилизация сил государств и народов, их активная и целенаправленная деятельность, приводящая к запланированным желаемым международно-правовым демократическим результатам.

§ 6. О расширении или сужении правоспособности и дееспособности государств в международных морских отношениях

Можно ли вообще изменить правоспособность и дееспособность государств в сторону их уменьшения или увеличения?

Можно, если, например, аннулируется какое-то право, например, право на рыболовство в определенной морской акватории на период ее консервации или право возводить укрепления в недавно демилитаризованной зоне. Понятия правоспособности и дееспособности динамичны. Все зависит от того, на что направлена эта динамика, прогрессивна она или реакционна.

В годы развернутой империалистами “холодной войны” можно было заметить сильное “замораживание” в ряде вопросов, как правоспособности, так и дееспособности государств.

С одной стороны уменьшились контакты между государствами различных социально-экономических систем и, в этой связи, почти не возростала конкретная правоспособность государств этих систем во взаимоотношениях друг с другом.

Почти не заключались соглашения по политическим вопросам, заключалось ограниченное число международных соглашений по политическим вопросам и совершенно не заключались соглашения по вопросам международной военной безопасности (например, об ограничении вооружений и т. д.).

Таким образом можно сказать, что в годы “холодной войны”, во взаимоотношениях государств различных систем, эти государства в своих, так сказать, “межсоциальных” отношениях имели незначительную конкретную правоспособность в области политических вопросов (политическая правоспособность), весьма ограниченную правоспособность в области экономических вопросов (экономическая правоспособность) и совершенно не имели конкретной правоспособности в военной области (военная правоспособность).

Последнее обстоятельство легко понять в связи с тем, что такие военные соглашения исключались с участием государств различных социально-экономических систем по вине империализма. Военно-политические блоки и организации, исключали в годы “холодной войны” какое-либо сотрудничество (военные блок и под эгидой США — НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС и др., — с одной стороны, и оборонительная Организация Варшавского Договора, — с другой).

Все сказанное о “замораживании” конкретной правоспособности государств различных систем в годы “холодной войны” не относится к общей правоспособности государств, которая вытекает для любых государств, в том числе для государства различных социально-экономических систем независимо от конкретных международных договоров и соглашений, непосредственно из основных принципов международного права и Устава ООН.

Общая правоспособность, вытекающая из этих принципов, продолжала разумеется сохраняться и поскольку юридически эти принципы, а также Устав ООН и другие основополагающие международные договоры и соглашения не отменялись и продолжали сохранять свою юридическую силу, общая международная правоспособность государств различ-

ных систем существовала, (но не увеличивалась) и в годы “холодной войны”.

Уменьшение контактов между государствами различных систем в годы “холодной войны” отразилось не только на их конкретной правоспособности, но и, конечно, на их дееспособности.

Что касается общей дееспособности государств различных систем, то она также оказалась, в значительной степени, “замороженной”.

В отношениях государств различных систем существовал лишь минимум и даже минимум отношений, переводящих их общую правоспособность в общую дееспособность.

Даже такие фундаментальные принципы современного международного права, как принципы уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и другие часто не соблюдались по вине империалистических держав.

Что касается конкретной дееспособности государств различных систем, т. е. дееспособности, связанной с международными договорами и соглашениями не основного характера, то, во-первых, она потерпела урон в связи с тем, что часто не соблюдались уже заключенные до “холодной войны” и формально-юридически сохранявшие силу договоры и соглашения (например, соглашения о торговом судоходстве, о паспортно-визовом режиме моряков и др.).

Во-вторых, не заключались новые международные договоры и соглашения, в связи с чем не рождалась новая международная дееспособность государств в их взаимоотношениях друг с другом.

Именно в годы “холодной войны”, в связи с “замораживанием” правоспособности и дееспособности государств (общей и конкретной), как правильно отметил Р. Л. Бобров, действовал “минимальный кодекс мирного сосуществования”.

В буржуазной литературе это же явление, объективно существующее, было отмечено канадским ученым Э. Макуини. Последний предложил даже легализовать минимум отношений между социалистическими и капиталистическими государствами в своей концепции так называемого “межблочного права”, которое на деле являлось своего рода эрзацем нормального международного права.

Успешная реализация Программы мира, выдвинутой Советским Союзом, объективные условия разрядки в современных международных отношениях после европейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.), рост влияния антиимпериалистических и антиколониалистских сил привели к возрождению дееспособности, усилению международных связей государств различных социально-экономических систем во взаимоотношениях друг с другом.

Дальнейший рост получила и их конкретная международная правоспособность.

Этому процессу возрождения и дальнейшего развития и правоспособности и дееспособности содействовала успешная разрядка международной напряженности во взаимоотношениях СССР с Францией, СССР с ФРГ и СССР с США. В частности, важный вклад в это дело внесли двусторонние международные соглашения и договоренности СССР и

США, заключенные в различных областях международных отношений в 1972—1974 гг. и в последующий период.

Во время ухудшения международных отношений, вооруженных конфликтов и войн в значительной степени ухудшается и уменьшается международная дееспособность государств.

В виде исключения она возникает только в военное время в таких вопросах, которые составляют правоспособность государств, предусмотренную специально на случай возникновения войны (например, право на морскую блокаду, право на оккупацию и т. д.).

Приведем пример ограничения правоспособности государства во время войны. Так, каждое государство имеет право вести торговлю с другими государствами, осуществлять морские перевозки грузов и т. д.

Однако, ввиду того, что идет война и риск потери судов и грузов на международных морских путях велик, государства ограничивают свою заморскую торговлю и морские перевозки.

Таким образом дееспособность государств в области морской торговли и навигации в условиях вооруженного конфликта может оказаться значительно меньшей, чем в условиях мира.

Но ограничение дееспособности государств на море возможно и в условиях мирного времени. Так, объявление одним государством “опасной зоны” в Мировом океане ограничивает дееспособность других государств в определенной акватории и на определенное время в области торгового и военного мореплавания.

Таким образом, применение правоспособности и дееспособности одним государством может лишать дееспособности другое государство. В. А. Серков указывает, что указывает, что в наше время десятки государств ежегодно объявляют об “опасных зонах” в Мировом океане числом до одной тысячи размером более 3-х млн. кв. миль.

Но, при этом, нельзя, конечно, абстрагироваться от целей подобного ограничения дееспособности государств, решающим здесь является выяснение вопроса, правомерна ли или противоправна цель, служит ли установление таких зон целям мира или целям агрессии.

Так, если государство “А” ограничивает противоправные действия государства “Б” на море — это не есть ограничение дееспособности государства “Б”, так как государство “А” может реализовать свои правомерные интересы.

Но, если государство “А” ограничивает правомерные акции другого государства “Б”, то это уже будет ограничение дееспособности государства “Б” (таково, например, препятствие свободному проходу через традиционные морские пути в международных проливах или архипелажных водах).

Ограничение дееспособности государств в международных морских отношениях случается нередко.

Излишне, конечно, говорить, что к государству, как суверенному субъекту международных отношений никак не применимо ограничение дееспособности по признаку малолетства¹⁹ или душевного заболевания.²⁰

Но ограничения дееспособности государств имеют место не только в силу исторически детерминированных причин, но и по ряду других обстоятельств.

Так, ограничение дееспособности государства может иметь место в результате установления ответственности определенного государства за агрессивную войну.

Наиболее ясный пример тому дают Потсдамские соглашения 1945 г., предусматривающие, что, хотя Германия, как государство, остается, она ограничивается в своей дееспособности, в части, касающейся военных учреждений, вооружений, армии, военно-морского флота и т. д.

В этой же связи можно отметить ограничение прав Германии посредством введения на ее территорию гарантийных оккупационных войск союзников, что вытекало из решений по предотвращению рецидива агрессии со стороны Германии и ограничение морской дееспособности Германии.

Другой пример. Конвенция Монтре 1936 г. устанавливает ограничение нечерноморских государств в области военного мореплавания в Черном море.

Третий пример. Временное ограничение дееспособности государств может наступить на пользование определенными морскими путями, может наступить в случае создания определенными государствами своих технических сооружений, например буровых платформ, вышек и других сооружений в определенных широтах, о чем помещается соответствующая информация для безопасности навигации других государств в специальных "Извещениях мореплавателям".

Такая же временная частичная недееспособность для всех государств возникает в случае одностороннего использования определенного квадрата морской акватории тем или иным государством для производства ракетных стрельб.²¹ И в этом случае, все государства, согласно основному принципу свободы открытого моря имеют право и правоспособность навигации в данном районе, однако это их право временно парализуется действиями того или иного государства.

Из приведенных примеров видно, что ограничение дееспособности государств может быть, как генеральным, касаться широкой сферы суверенитета (пример с ограничением суверенитета фашистской Германии после второй мировой войны), так и партикулярным, касаться менее широких, хотя и суверенных прав государства (пример с ограничением дееспособности государств в области военного мореплавания в Черном море).

Ограничение морской дееспособности государств, как правило, бывает локализованным, т. е. связанным с определенной акваторией Мирового океана.

Однако ограничению морской дееспособности государства может и не быть связанным с определенной акваторией. Таков, например, случай запрещения определенному государству или государствам строить определенный вид военных кораблей.

В широком философском смысле слова, все международное право построено на определенных ограничениях государств в том плане, что не все дозволено государству в его общении с другими государствами (запрет вмешательства, угрозы силой, мирной морской блокады, агрессии против флота и т. д.).

Однако такого рода ограничения а) касаются всех государств без

ограничения, б) выходят за рамки общепризнанного правового поведения государств и следовательно не являются ограничением дееспособности государств в международно-правовом смысле.

Поэтому, такого рода ограничения (правовые запреты) следует квалифицировать как ограничения не дееспособности, а фактических действий государств.

Правомерное ограничение дееспособности государств. Хотя на первый взгляд кажется, что никакое государство или группа государств не могут ограничить морскую дееспособность другого государства или группы государств на Мировом океане, тем не менее, это не совсем так.

Одно государство или группа государств могут ограничить морскую дееспособность другого государства или группы государств, если такое ограничение опирается на принципы международного права и, в частности, опирается на принцип международного процессуального права, принцип добровольности, а также, как правило на принцип равенства и взаимной выгоды.

Возьмем, к примеру, вопросы рыболовства. Здесь можно привести несколько случаев, когда международная дееспособность государства или государств в области рыболовства может быть ограничена и даже существенно.

Так, если традиционно, какое-либо государство осуществляло лов рыбы в территориальных водах другого государства, то это последнее, в случае угрозы обезрыбления его территориальных вод, может запретить другому государству осуществлять лов рыбы в своих традиционных и признанных территориальных водах.²²

Здесь мы присутствуем при случае, когда согласно принципу свободы открытого моря и принципу свободы рыболовства, государство располагает специальной правоспособностью в отношении рыболовства, однако, дееспособность такого государства в отношении рыболовства ограничена другим государством в силу законно примененного права территориального суверена в собственных территориальных водах.

Другой пример. В связи с необходимостью обеспечить воспроизводство биоресурсов Мирового океана, группа наиболее заинтересованных государств, если она включает в свой состав представителей государств различных социально-экономических систем, морских держав и правильно выражает интересы международного сообщества, может установить определенные условия лова рыбы и морского зверя, запрещения лова и соответствующие зоны консервации морской фауны в пределах открытого моря, далеко за пределами границ прибрежных государств.

Третий пример. Компетентная международная организация, если эта прерогатива предусмотрена ее уставом, может ввести в действие в определенных морских акваториях (в водах открытого моря) соответствующие квоты отлова рыбы или забоя морского зверя или полностью запретить соответствующий морской промысел на более или менее длительный срок, тем самым, ограничив дееспособность государств в области рыболовства и промысла морского зверя.

Наконец, возможны случаи, когда ограничение морской дееспособности может быть установлено тем или иным государством в одностороннем порядке самим для себя.

Такой случай возможен теоретически, когда то или иное государство, исходя, как из собственных интересов, так и из правильно понятых интересов других государств международного сообщества, может сделать заявление соответствующего рода, ограничивающее в добровольном порядке собственную морскую дееспособность (например, полный отказ от предоставленной ему квоты убоя китов, отлова рыбы, захоронения допустимых квот отходов и т. д.).

Такие случаи одностороннего, добровольного отказа государств от реализации своей морской правоспособности и, следовательно, самоограничения своей морской дееспособности, имеют место и на практике.

Поскольку на Мировом океане особенно заметно воздействие положения диалектического материализма о том, что все происходящее имеет место во времени и в пространстве, такое самоограничение государством своей дееспособности, а также ее ограничение каким-либо государством, группой государств или международной организацией является срочным и может иметь место на более или менее длительный срок, на большей или меньшей акватории.

Необходимо отметить, что ограничение морской дееспособности того или иного государства, группы государств или всех государств, на определенный срок, в отношении определенной акватории или всего Мирового океана, не имеет ничего общего с отказом от определенного принципа международного морского права, лежащего в основе такой специальной дееспособности.

Так, например, ограничение дееспособности государства в области рыболовства не означает отказа от принципа свободы рыболовства в открытом море.

Принцип свободы рыболовства в открытом море не исключает, а предполагает рациональное регулирование рыболовства. Он освящен веками, является разумным и справедливым принципом для всех государств и не может, и не должен быть отменен.²³

Временные и пространственные ограничения дееспособности государств в этой области — это только исключения из правила, а их целью является восстановление ресурсов морских акваторий и, следовательно, сообщение нового простора для действия принципа свободы открытого моря, в котором заинтересованы все страны.

Принцип свободы рыболовства государств, их физических и юридических лиц в открытом море может регулироваться и, если этого требуют ресурсы биомассы, такое регулирование может быть достаточно жестким, если оно справедливо по отношению ко всем заинтересованным странам. Но он также не отменяем, как не отменяемо право человека дышать воздухом, общим для всех жителей нашей планеты.²⁴

Неправомерные ограничения дееспособности государств.

Ограничение международной дееспособности государства или народа может иметь место в международных отношениях и посредством ограничения правоспособности и дееспособности их физических или юридических лиц.

Происходит это в тех случаях, когда от правоспособности или дееспособности определенных лиц зависит дееспособность государства. Например, капитан судна имеет право на “мирный проход” через

иностранные территориальные воды. Отказ ему (его судну) в этом в то же время является и ограничением дееспособности государства его флага на мирный проход через территориальные воды.

Если расистами отрицаются права человека за консулом африканского или азиатского государства в морском порту, то тем самым, может быть ограничена морская дееспособность государства консула, так как создаются невыгодные условия или просто отрицаются условия для осуществления функций консула по обслуживанию флота своей страны в данном иностранном порту. Например, отказ ЮАР принять консула определенной страны будет мешать этой стране реализовать свою специальную морскую правоспособность.

Другой пример. Если по международному соглашению лицо имеет право оптации гражданства, но государство ему в этом неправомерно отказывает, то тем самым отрицается не только дееспособность лица, но и дееспособность государства, потому что по международному соглашению государство имеет право на применение к своим гражданам принципа оптации, но реализовать это право не может.

Тем самым, через ущемление прав отдельной личности достигается лишение государства его дееспособности в определенных отношениях.

Если консул государства "А" должен выехать из столицы государства "Б" в портовый город своего консульского округа на территории государства "Б", но ему, под разными предлогами, не продают билета, то тем самым ущемляется и дееспособность государства "А", его право на нормальное функционирование своего консула, контакты с судами отечественного флота в иностранном порту.

Односторонние действия государства по расширению своей правоспособности

В связи с тем, что большинство стран не имеет пока еще специальной техники для сколько-нибудь широкого освоения недр морского дна или осуществления современного рыболовства, а ряд технически развитых стран такой возможностью в значительной мере уже располагает, но в то же время ряд новых нетрадиционных видов морепользования пока еще не урегулирован международным морским правом, можно констатировать следующее любопытное явление.

Многие развивающиеся страны делают попытку в одностороннем порядке расширить свою правоспособность: они объявляют "своими" обширные территориальные воды, обширный континентальный шельф, морские экономические зоны с "исключительными" широкими правами, хотя эти их притязания, как уже отмечалось в литературе, не находят основания, легального титула в действующем международном праве, основанном на принципе суверенного равноправия всех государств.

Если некоторые развивающиеся страны таким образом расширяют свою правоспособность, то технически развитые страны расширяют свою дееспособность, т. е. способность реализовать существующее право, на основе действующего международного морского права (добыча минералов, рыболовство на основе принципа свободы открытого моря и т. д.), так и фактическую деятельность, не основанную на международном морском праве.

Препятствия для реализации правоспособности государства. В связи с относительным уменьшением размеров земного шара (из-за увеличения народонаселения, насыщения планеты современными инженерными объектами, техническими средствами транспорта и связи и т. д.) не исключается, что реализация правоспособности одного государства, в определенной мере, временно или постоянно лишает дееспособности другое государство.

Занятие участка дна одним государством лишает аналогичных прав другие государства. Раньше, лет двадцать назад, этого не могло быть. Во-первых, потому, что не было соответствующей техники освоения дна и дееспособность многих государств на Мировом океане была более ограниченной. Во-вторых, не было жгучей потребности в обращении к донным ресурсам.

Международно-правовое регулирование призвано содействовать оптимальной для всех государств дееспособности: чередование пользования, совместные разработки, объединение в организацию и т. д.

Дееспособность одного государства может влиять на дееспособность другого государства. Это может выражаться в различных вещах. Например, реализация одним государством своего права на разработку донных полезных ископаемых исключает для других государств возможность вести разработку на том же участке.

Отлов рыбы одним государством в одном месте может исключить дееспособность других государств и оставить их правоспособность в области рыболовства в латентном состоянии и т. д.

Конкретная правоспособность одного государства также может влиять на конкретную правоспособность другого.

Например, если одно государство предоставляет свои коралловые рифы другому государству для научно-исследовательской деятельности по международному соглашению, то другие государства уже не могут приобрести эту конкретную правоспособность (в том же месте, в тот же срок и на тех же условиях).

Другой пример случая, когда реализация правоспособности одного государства лишает дееспособности другое — это объявление одним государством опасных зон для плавания судов других государств. Раньше это делали единичные государства, сейчас — десятки. Раньше в этом не было большой необходимости, так как военные флоты были не столь многочисленными, ими обладали не все страны, и они не требовали столь обширных маневров и военных учений, как этого требует современное военно-морское искусство.

Сегодня, по вине империализма, степень морской милитаризации государств возросла неизмеримо.

В этих условиях выход опять-таки заключается в международно-правовом регулировании отношений государств, предотвращении инцидентов в море, частичное, а в последующем и полное разоружение.

Те или иные международные договоры, которые “замораживают” претензии, например, в Антарктике, не дают тем самым возможность превратить правоспособность (мнимую или реальную) в дееспособность. В этом случае, те или иные фактические действия государства не могут рассматриваться как его дееспособность, так как они не являются

действиями на основе признанного права, не имеют под собой правовое основание, не имеют “юридического титула”.

Дееспособность развивающихся стран может получить развитие при помощи развитых стран.

Если в наши дни все государства правоспособны и дееспособны, но могут не располагать специальной дееспособностью в определенных конкретных областях, то в силу международного сотрудничества и технической помощи индустриальных стран и на строго добровольных началах для обеих сторон, дееспособность развивающейся страны может получить развитие при помощи технически развитой страны.

Так, если перуанский народ не мог полностью реализовать свою правоспособность в области научных исследований рыболовства, то ему на помощь пришел Советский Союз, благодаря научно-исследовательским судам и персоналу которого перуанские коллеги получили ценную информацию в области научной организации рыболовства и организации соответствующего промысла и производства.

Этот пример, взятый из практики, хорошо показывает социальную сущность советской помощи в прошлом и ту пропасть, которая лежит между концепцией правоспособности и дееспособности периода колониализма, с одной стороны, и концепцией этих элементов международного правосубъектности государств — в советский период.

В связи с универсализацией международного права отмеченной Г.В. Игнатенко, а также В.Н. Лихачевым идет процесс расширения правоспособности и дееспособности государств, переход этих элементов на широкие просторы не только материков, но и морей, воздушного и космического пространства, расширяется круг дееспособности, т. е. реализованной правоспособности.

Отметим также, что взаимность прав, обязанностей, ответственности государств-контрагентов, по какому-либо международному договору (правоспособность государств), еще не означает неперенной взаимности их реализации, т. е. взаимности дееспособности.

Действительно, два или несколько государств заключают договор, но одно государство может широко использовать свою правоспособность, а другое — временно или более или менее постоянно не реализует по тем или иным причинам свою правоспособность, не переводит ее в дееспособность. В результате — равноправный международный договор приводит к неравным для сторон последствиям.

Не случайно, что в комментариях Ассоциации международного права к проекту декларации о принципах, применимых к международному дну указывается, что в пользу равного участия всех стран в выгодах от разработки минеральных ресурсов международного морского дна и, особенно, участия развивающихся стран, говорит ряд доводов и особенно тот, что “(III) хотя, в принципе все государства имеют равные права, отсюда, однако, не следует с неизбежностью, что все государства имеют равные возможности”²⁵

Эта констатация отражает реальности международной жизни, к смягчению, если не к полному исправлению которых стремится современное международное право.

Соотношение правоспособности и дееспособности государств

Во временных рамках дееспособность государства может расширяться и сужаться, в зависимости от различных обстоятельств, в первую очередь, в зависимости от потребностей государства и его возможностей.

Правоспособность государства всегда больше его же дееспособности, в идеальном случае правоспособность и дееспособность того же государства равны.

Зато дееспособность государства никогда не может быть больше его правоспособности. Это и понятно, ибо дееспособность — это реализация прав и обязанностей и, следовательно, она никак не может большей, чем сумма этих прав и обязанностей.

В философском смысле слова правоспособность и дееспособность соотносятся, как статика и динамика, как покой²⁶ и движение, как должное (по праву) на основе права и в рамках права и сущее (фактически).

Для приобретения конкретной, (а не общей, эталонной") правоспособности нужны такие факторы, как: 1. желание данного правительства (государства) урегулировать конкретными нормами конкретные общественные отношения; 2. аналогичное желание другого правительства (государства); например, правоспособность одного государства не может быть установлена на территории другого государства без согласия того другого 3. объективная возможность установления правоспособности данного и других государств в определенной сфере отношений (в море, в космосе, в области ядерной энергии, в области транспортных отношений и т. д.)

Для приобретения международной дееспособности необходимо: 1. наличие международной правоспособности; 2. наличие средств и способов реализации правоспособности; 3. желание правительства (государства) осуществлять свою дееспособность или уважать правоспособность контрагента.

К числу способов и средств достижения дееспособности относится также наличие соответствующей технической или географической возможности (например, морской техники, доступа к морю и т. д.).

В ряде институтов современного международного права правоспособность и дееспособность совпадают, между ними нет разрыва, правоспособность государства полностью покрывается его дееспособностью.

В основном, это те институты, реализация которых не зависит от силы или от технических потенций государств.

Пример 1. В современном международном праве каждое государство имеет право на уважение своего флага. Реализация права государства на уважение своего флага не зависит от фактической способности этого государства защитить его, не зависит от силы государства. Любое малое государство, если оно имеет флот, дееспособно реализовать это свое право, потребовать сатисфакции и других видов ответственности за оскорбление своего флага.

Пример 2. Каждое государство имеет право на соблюдение его суверенного равноправия и связанных с этим последствий процедурного характера. Это означает, что на международных конференциях (например на III Конференции ООН по морскому праву) и малые и большие

государства одинаково пользуются правом равного голоса и соблюдение этого права государства не зависит от его экономической и военной потенции, от его технической оснащенности.

Из этого положения, однако, могут быть исключения, связанные со спецификой международных конференций и международных организаций. Например, в Совете Безопасности ООН, при решении вопросов предотвращения войны и обеспечения мира, располагающие для этого наибольшими потенциями (постоянные члены Совета Безопасности) имеют и большие права.²⁷

Но совпадение конкретной правоспособности и дееспособности — это идеальный случай.

Хотя правоспособность и дееспособность тесно связаны и взаимозависимы они далеко не слиты и, как уже сказано редко совпадают.

Общая правоспособность государства всегда предшествует его конкретной правоспособности и его конкретной дееспособности. Но возможны случаи, когда не общая правоспособность, а именно общая дееспособность являются первичной основой конкретной дееспособности. Ведь для того, чтобы был заключен конкретный международный договор нужно, чтобы государства действовали (назначили своих представителей, дали им полномочия, создали конференцию, утвердили правила процедуры, повестку дня и т. д.) и действовали не вне сферы международного права, а на основе международного права, на основе комплекса более общих суверенных прав, обязанностей и ответственности государств.

Таким образом, конкретная, в данном случае договорная правоспособность может основываться на общей правоспособности и дееспособности государств.

Движение от правоспособности к дееспособности не происходит непрерывно, оно прерывисто. Оно может быть скачкообразным.

Все это определяется многими факторами, потребностями, влияниями, например такими, как влияние политики других государств.

Современное международное право — право координационное, а не субординационное. Соответственно этому скоординирована общая правоспособность всех государств.

Координация может быть на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Мало координируется дееспособность государств, ибо дееспособность государств определяется многими факторами, различными для разных государств и их неравными возможностями.

Объективные и субъективные возможности у государств реализовать свою правоспособность весьма вариативны.

Правоспособность государства может, в отдельных конкретных ситуациях, существовать без дееспособности.

Например, такова договорная правоспособность государства, предусмотренная Конвенцией о праве договоров. Государство располагает договорной правоспособностью, но, разумеется не всегда входит в договорные отношения и, в ряде случаев, не осуществляет свою договорную дееспособность.

Но дееспособность не может существовать без правоспособности, ибо дееспособность и является реализацией правоспособности.

Если государство осуществляет какие-то действия, которые не основываются на его правоспособности, то это уже не дееспособность, а фактические действия против права, в обход права или без достаточного правового основания.

(И правоспособность, и дееспособность могут быть общей, вытекающей из основных принципов современного международного права, и специальной, например, морской правоспособностью, договорной правоспособностью и т. д.)

Эта специальная правоспособность может быть классифицирована по отраслям международного права, его институтам и отдельным нормам.

Пример существования правоспособности без дееспособности.

Два государства устанавливают дипломатические отношения, но не обмениваются послами, консулами, военно-морскими атташе, не ведут морской торговли или каких-нибудь других дел.

Иногда они обмениваются послами через 5, 10 или 15 лет после официального установления дипломатических отношений.

В этом примере видно, что:

1. правоспособность может существовать отдельно от дееспособности,

2. разрыв между правоспособностью и дееспособностью может продолжаться длительное время,

3. установление дипломатических отношений и обмен послами, консулами, морскими атташе и т. д. соотносятся как правоспособность и дееспособность (реальная расшифровка акта установления дипломатических отношений),

4. если установление дипломатических отношений в виде подписания соответствующих актов играет роль правоспособности по отношению к обмену послами, консулами, военно-морскими атташе и морской торговле, то, вместе с тем, само установление дипломатических отношений играет роль дееспособности по отношению к присущей государству общей правоспособности в этой области, так как каждое государство как субъект международного права правоспособно устанавливать дипломатические отношения. Права и обязанности, которыми государства располагают в силу своей правоспособности могут быть неравными при претворении их в дееспособность. Так, например, государства могут иметь определенные права и не быть в состоянии их реализовать, т. е. не иметь определенной специальной дееспособности в каком-то конкретном случае, на данном этапе своего развития и научно-технического прогресса (например государства имеют право строить ядерные суда, но фактически этого не делают).

Но государство может быть дееспособно для реализации своих обязанностей. Например, каждое государство, в силу нормы международного права и своей правоспособности обязано не чинить препятствий в строительстве и эксплуатации ядерных судов.

Не имея в данный момент специальной дееспособности в отношении своих прав на ядерный флот, эти государства, тем не менее имеют дееспособность для реализации своих обязанностей по отношению к ядерному флоту других государств. Например, разумеется, при соблю-

дении определенных международно-согласованных условий технической безопасности, иностранных судов к проходу через свои территориальные воды, заход в торговые порты и т. д. (Такая же обязанность, например, существует на пролет, пропуск иностранных космических ракет через свое воздушное пространство на большой высоте).

Нередко большое расстояние между правоспособностью и дееспособностью определяется нереальностью норм права, их “отрывом” от реальных возможностей государств.

Например, Брюссельская конвенция об ответственности операторов ядерных судов и, как указывают С. А. Малинин и В. А. Мусин, не вступит в силу. “Она может явиться лишь основой будущих переговоров о заключении нового соглашения”.

Другой пример. По мнению американского ученого — профессора Гэмбла Дж. К., конвенция которая разработана на III Конференции ООН по морскому праву нереалистична и не представительна. По его мнению, спустя несколько лет, после заключения этой конвенции, ряд морских технически развитых держав соберется для заключения “реалистической конвенции”.

Этот пример относится уже к области предположения, но и он иллюстрирует нашу мысль о том, что возможен большой разрыв между правоспособностью и дееспособностью, вызванный, в частности, отрывом правовых норм от реалистических возможностей или интересов государств.

В этом явлении нет ничего удивительного, ведь авторы законодательных или международно-правовых норм — это те же живые люди, которые могут ошибиться в оценке реализуемости норм.

И хотя правовые нормы в современном международном общении являются результатом коллективных усилий большого числа идей (коллектива специалистов), как на национальном, так и на международном уровнях, и здесь возможны недооценка и переоценка определенных факторов.

Международная правоспособность или дееспособность могут отсутствовать либо по субъективным причинам, либо по причинам объективным.

Государство может приобрести ряд прав, обязанностей, а также ответственность по конкретным международным морским соглашениям, но умышленно в них не участвует и следовательно, не имеет конкретной правоспособности в данной области отношений.

Таков, например, случай, когда государство, может заключить международное соглашение о рыболовстве, но не заключает его и, следовательно, имея абстрактную морскую правоспособность, не имеет, тем не менее конкретной морской правоспособности.

С другой стороны, отсутствие правоспособности по объективным причинам может быть в том случае, когда государство желает участвовать в определенном конкретном международном морском соглашении, но по тем или иным причинам, не может этого сделать. Это может быть в том случае, если тот или иной морской договор является закрытым, или, если нарушается принцип универсальности.²⁸ Или же, наконец, этому участию мешают финансовые и другие трудности, с которыми сталкивается то или иное государство.

В этом случае государство невольно лишается конкретной морской правоспособности.

Государство может оказаться лишенным и морской дееспособности в силу, опять-таки объективных или субъективных причин.

Отсутствие дееспособности может иметь место по различным причинам. Так, например, США, по собственной воле недостаточно дееспособны в области международного рыболовства. Это означает, что имея обширные права в области международного рыболовства, США, по ряду причин, сами до сих пор не развили и не создали свой современный рыболовный флот в такой степени, как это сделали некоторые другие страны. И их уловы находятся далеко не на первых местах, в то время, как, например, в эти же годы уловы такой небольшой страны, как Перу, занимали первое место в мире.

Учитывая экономические и другие потенции США, никто не сомневается в том, что США могли бы развернуть реализацию своих широких рыболовных прав по действующим международным соглашениям, под которыми стоит их подпись.

Однако, по ряду причин (традиции питания, экономические расчеты и т. д.) они сознательно не реализуют своей правоспособности в этой области.

Но недееспособность может быть и невольной, когда правительство и народ определенной страны, хотели бы развернуть свою дееспособность, но по ряду причин объективного характера не могут этого сделать. Так, многие страны Азии и Африки желали бы развернуть свою дееспособность на своем континентальном шельфе, однако, отсутствие капиталов, океанского технического оборудования и специалистов не позволяет им это сделать. Такая недееспособность является вынужденной.

Таким образом, отсутствие конкретной морской правоспособности и дееспособности может быть результатом сознательной целенаправленной политики правительства определенного государства, не ставящей своей целью приобретение определенных прав и обязанностей в определенных морских отношениях и введение их в жизнь.

Определение международного морского правоотношения.

В литературе указывается, что правоотношение — это урегулированное правом отношение. Но при этом опускают элемент дееспособности. А между тем, урегулированное правом общественное отношение, это еще не динамика, а статика.

Если заключен международный договор, то это еще не означает, что международное общественное отношение урегулировано реально и до конца.

Для того, чтобы возникло правоотношение необходимо действие. В противном случае, пришлось бы считать, что существует правоотношение в статике и правоотношение в динамике. Но, как известно, правоотношение в статике не может быть, ибо “правоотношение в статике” это фактически только право, а не правоотношение.

А правоотношение в динамике — это реализация права на практике, это право плюс действие во исполнение права.

В этом втором случае мы имеем дело опять с действием (на основе права), т. е. с дееспособностью.

Следовательно, исследователь не может игнорировать такой важный элемент правосубъектности и правоотношения, как дееспособность.

Исключение дееспособности из анализа правоотношения означает стирание грани между правом как правилом поведения с одной стороны, и правоотношением, как самим поведением, урегулированным правом. Очевидно, что это две разные категории. Правила плавания и само плавание — это не одно и то же. Для того, чтобы правила плавания стали плаванием необходимо действие.

Международное морское правоотношение можно определить как урегулированное правом определенное межгосударственное морское отношение, в котором каждое государство, на основе своей морской правоспособности осуществляет свою морскую дееспособность.

Каждое государство использует свою правоспособность и дееспособность в качестве инструментов достижения своих классовых, политических целей в общих или конкретных международных морских отношениях.

В определенной мере, можно сказать, что правоспособность и дееспособность соотносятся с одной стороны, как цель, и с другой, — как средство ее достижения, как задача и способ ее решения, как правовая декларация и правовая реализация, как юридический план и его выполнение.

Правоотношение — это движение во времени и пространстве.

Международное правоотношение — это действие государств во времени и пространстве. Это взаимодействие государств через их границы и в международных пространствах (средах) постоянно в условиях мира или вооруженных конфликтов.

Поскольку научно-технический прогресс ведет за собой право почти во все области своего проникновения, следует признать, что и понятия международной правоспособности и дееспособности распространяются на все области действия международного права. Морская и правоспособность, и дееспособность могут быть сгруппированы по видам деятельности государств на Мировом океане.

Это: 1. правоспособность и дееспособность государств в области торгового судоходства,

2. правоспособность и дееспособность государств в области военного мореплавания,

3. правоспособность и дееспособность государств в области рыболовства,

4. то же в области морского промысла,

5. то же в области морской геологии,

6. то же в области научных исследований,

7. то же в области охраны морской среды,

8. то же в области международного морского туризма и так далее. .

§ 7. Правоспособность и дееспособность государств в институте ответственности государств в международных морских отношениях

В теории международного права появилось уже немало работ по проблеме ответственности в международном праве, которые сущест-

венно восполнили имевший место пробел. Однако почему-то, при определении международного правоотношения, ответственность не рассматривалась в качестве необходимого элемента правоотношения и не включалась в него.

Происходит это видимо от того, что в нормальных международных отношениях большинство норм международного права (если не подавляющее большинство), соблюдается, и реальные правоотношения, т. е. правоотношения не оставшиеся на уровне правоспособности, но переведенные в плоскость дееспособности, не завершаются вопросом об ответственности за ненадлежащее исполнение государством его правоспособности.

Однако, если правоотношение не увенчивается постановкой вопроса об ответственности, означает ли, что оно лишено этого элемента? Далеко нет!

Люди ежедневно соблюдают десятки и сотни правовых норм, не нарушая их и вопрос об их ответственности не встает. Но это не означает, что правоотношения в которых они участвуют не содержат пункта об ответственности.

Он постоянно присутствует. Достаточно убрать его молчаливое, незримое на первый взгляд присутствие и правоотношение перестанет быть правоотношением, оно станет отношением морали или благим пожеланием.

Поэтому следует признать, что элемент ответственности является неперменным пятым элементом ответственности всякого международного правоотношения.

Правоотношение, лишенное элемента подразумеваемой ответственности превращается в моралеотношение, оно перестает быть правоотношением.

Таким образом, ответственность должна рассматриваться, как составной элемент правоотношения, (хотя и не всегда реализуемый, например, если право соблюдается, или если ответственность не удается реализовать), потому, что реализация ответственности — это тоже правоотношение между государствами, хотя и носящее специфический характер.

К международным отношениям полностью приложим важный теоретический вывод о том, что правоотношение постоянно включает в себя элемент ответственности, который не является чем-то инородным для каждого правоотношения, вывод о том, что юридическая ответственность — это не только применение принудительных мер за нарушение правовой обязанности, но и само исполнение юридической обязанности.²⁹

Является ли ответственность государства категорией международной публичной правоспособности или это категория международной публичной дееспособности?

С одной стороны кажется, что ответственность это категория дееспособности, так как она возникает, как правило, как следствие действия (нарушающего международно-правовое установление) и сама означает действие — влечет последствия за определенные действия, нарушающие нормы международного права.

Но, с другой стороны, ответственность государства за определенные

действия уже заранее “запрограммирована” в общих основных принципах современного международного права, в Уставе ООН и в конкретных международно-правовых нормах (содержащихся в международных договорах, соглашениях, конвенциях).

С этой второй точки зрения, ответственность является категорией правоспособности, так как она определена нормами международного права.

Следовательно, анализ указывает, что категория ответственности государства в международном праве является (или может являться) одновременно составной частью и правоспособности государства, и его дееспособности.

Ответственность государства, как категория правоспособности — это установленное в нормах международного права должествование.

Ответственность государства, как категория дееспособности — это претворенное в жизнь должествование, установленное в норме международного права.

Ответственность фашистских государств после второй мировой войны также показала важный характер элементов правоспособности и дееспособности государств.

После окончания второй мировой войны при помощи совершенно естественной и справедливой безоговорочной капитуляции фашистских держав, возникла проблема их ответственности за бесчисленные и чудовищные злодеяния против народов.

Эта ответственность выразилась в ряде факторов:

1. ликвидации фашистской партии и фашистских органов государственной власти,

12. гарантийно-превентивной оккупации территории государств-агрессоров,

3. репарациях,

4. ограничении внутренней законодательной деятельности государств-агрессоров,

5. подчинении государств-агрессоров, их властей и населения законодательным актам и другим нормативным актам и органам держав антифашистской коалиции и другим аналогичным мероприятиям.

Таким образом, в то время как державы-агрессоры, как всякое суверенное государство, принципиально суверенны и правоспособны, они были вполне правомерно на основе принципа ответственности за попрание важнейших норм международного права и агрессию, ограничены в своей дееспособности, в том числе международной.

Такое положение рассматривалось доктриной, как временное, а сама концепция ограниченной дееспособности государств-агрессоров, как исключение из общепринятого признания каждого государства и правоспособным.

Мы полагаем, что в этом случае, связанном с ответственностью государств-агрессоров, речь идет не только об ограничении их дееспособности, но и о значительном ограничении их правоспособности, поскольку, строго говоря, эти государства были лишены не только способности реализовать свои права, но и самих определенных прав (до поры, до времени).

В качестве примера отметим, что по решению союзных держав, Германия, Италия и Япония были ограничены в своей и право- и дееспособности, связанной с морскими вооружениями, их сохранением и воссозданием.

С вопросом о международной ответственности государств связан вопрос о так называемой деликтоспособности государства.

Под деликтоспособностью понимается способность государства нести ответственность и все вытекающие из нее по современному международному праву последствия за совершенные данным государством международные правонарушения и международные преступления.

Вместе с тем, следует отметить, что понятие деликтоспособности может быть растворено в правоспособности и в дееспособности, поскольку правоспособность предполагает способности приобретать не только международные права и обязанности, но и вытекающую отсюда ответственность. А дееспособность предполагает способность реализовывать на практике не только права и обязанности, но и вытекающую отсюда ответственность.

Отсюда следует, что данное выше определение деликтоспособности находится "так сказать" в чистом виде, отделенном от правоспособности и дееспособности, в которые деликтоспособность, несомненно, входит составной частью.

Такое выделение деликтоспособности в чистом виде оправдано для практических и теоретических целей установления и в праве и в его практическом применении в жизни ответственности государств за неправомерно содеянное в их правоотношениях, затрагивающих интересы других государств. Это означает, что указанные правоотношения могут иметь место, как международный, так и внутренний характер (например, дискриминация законных морских интересов иностранных государств в своих территориальных или внутренних водах, в экономической зоне и т. д.)

Анализ деликтоспособности государств выходит за рамки о правоспособности и дееспособности государств, поскольку деликтоспособность — это большая и самостоятельная тема об ответственности государств.

По нашему мнению, изучение этой проблемы, как и всех других институтов и отраслей современного международного права возможно в свете, с одной стороны, правоспособности государств (ответственность государств, как она отражается в праве, в общей и конкретной правоспособности государств), а с другой, в свете дееспособности государств (ответственность государств, как она может быть и действительно реализуется в общей и конкретной дееспособности государств).

Об увеличении разрыва между правоспособностью и дееспособностью государств.

Хотя научно-технический прогресс содействует сокращению разрыва между правоспособностью и дееспособностью, тем не менее, при колониалистском, империалистическом и неоколониалистском использовании науки и техники научно-технический прогресс способен привести к обратному результату.

Империалистическое использование науки и техники в международ-

ных отношениях с развивающимися и слабыми странами может привести не к сокращению разрыва между правоспособностью и дееспособностью, а, наоборот, к его увеличению.

Известно, что определенная тенденция в этом направлении в международных экономических отношениях уже имеется. Эта же “закономерность” может появиться и на Мировом океане, в международных морских отношениях, если роль и влияние капиталистических монополий и принципы их хозяйствования не будут ограничены.

Говоря об ограничении дееспособности, следует обратить внимание еще на один феномен — некоторые государства стремятся ограничить дееспособность других государств посредством расширения своей правоспособности в той же самой области международных отношений, в которой проявляется дееспособность других государств. Так, устанавливая свои территориальные воды размером в 200 миль, эти государства в одностороннем порядке увеличивают свою правоспособность (точнее претензию на правоспособность, которая находит признание со стороны ряда государств) и, вместе с тем, не дают иностранным государствам возможности реализовать свою дееспособность, основанную на действующем международном морском праве и вытекающую из неморской правоспособности.

Другой пример. Все государства, в соответствии с действующим международным правом имеют право посылать свой рыбопромысловый флот в воды открытого моря, проводят там научно-исследовательскую работу и совершают другие акции.

Однако, некоторые государства, объявив “своими” 200-мильные “территориальные воды” явочным порядком лишают другие страны их правоспособности.

Кроме того, многие государства объявили своими национальными законами обширные районы дна континентального шельфа вне допустимых границ, нарушая аналогичные права других государств.

Действия некоторых государств на море, выходящие за рамки международного права и их морской правоспособности, так как последняя, как уже говорилось, основывается на общепризнанной норме международного права. Эти действия должны рассматриваться как нарушение международного права и выходящие за рамки правоспособности соответствующих государств.

Международная морская организация, как инструмент реализации правоспособности и повышения дееспособности государств.

Помимо международной публичной правоспособности и дееспособности, присущей государствам, этими признаками (качествами) обладают и международные организации.

Каждая из этих организаций в рамках своих уставных целей и задач имеет целевую правоспособность и дееспособность.

Различные межгосударственные морские организации также обладают международной публичной правоспособностью и дееспособностью.

Учитывая, что часто объединение государств сильнее, чем отдельное государство (или государства), можно констатировать, что дееспособность международной организации, в ряде вопросов, может оказаться

большей, чем дееспособность отдельного государства (или отдельных государств).

Если, то или иное государство не в состоянии по финансовым техническим или материальным причинам осваивать море и его дно и, следовательно, реализовать свою правоспособность, от объединение государств — международная организация является формой и средством осуществления их международной публичной дееспособности.

В специальной области эта дееспособность международной организации может быть больше и глубже дееспособности отдельного государства (таковы, например, различные рыболовные организации, ФАО и др.)

Основной целью любой подобной организации должно быть объединение усилий государств для достижения таких задач, которые они не могут достичь разрозненно будь то одно государство, два государства или группа государств в региональных или глобальных масштабах.

Иными словами, такая международная организация нужна государствам, в значительной степени, для достижения максимального результата по превращению международной морской правоспособности государств в их международную морскую дееспособность.

В этом плане проект создания международных гражданских судов под флагом ООН или других международных организаций является одним из наглядных примеров поиска развивающимися странами способов реализации своей морской правоспособности через дееспособную международную организацию.

Весь вопрос здесь заключается в том, чтобы такая организации или международные суда под ее флагом не выходили за рамки международной правоспособности соответствующих государств или целевой, ограниченной правоспособности, делегированной государствами этой организации и (или) международным морским кораблям. Таким образом, международная организация выступает, как форма дееспособности государств. Вопрос заключается в том, чтобы фактическая деятельность этих международных кораблей действительно была проявлением дееспособности государств, а не фактической деятельностью вне рамок международного права (шпионаж, вмешательство в дела государства порта захода, диктат и т. д.)

Вопрос о правоспособности и дееспособности международной организации государств является очень интересным и сложным.

Например, возникает вопрос имеет ли международная организация свою самостоятельную правоспособность и дееспособность или же таковые являются деформацией правоспособности и дееспособности государств, создавших эту организацию?

§ 8. Великая Октябрьская социалистическая революция в России и международная морская правоспособность и дееспособность государств

До Октябрьской революции морская правоспособность государств разделяла участь правоспособности государств вообще — она определялась правотворчеством сильных империалистических морских держав, служа их интересам, отражая волю их господствующих классов.

Неравноправный характер международного морского права до Октября определялся, во-первых, господством морских империалистических держав на море и, во-вторых, опорой международного морского права на принципы общего международного права, имевшего ряд фундаментальных недемократических положений, хорошо показанных в трудах советских ученых (право на войну, право сильного, право на вмешательство, колониальное право и т. д.)

Это, однако, не мешало существованию в международном морском праве до Октябрьского периода ряда гуманных и равноправных норм, в частности, вызванных влиянием России, бывшей по ряду причин, законодательницей гуманных идей, особенно в области права войны на морях.

После Октябрьской революции природа общего международного права стала постепенно меняться, во-первых, в связи с теорией и практикой первого в истории человечества советского социалистического государства. Во-вторых, в связи с образованием социалистического содружества государств и, в-третьих, с распадом одиозной колониальной системы.

Однако, движение в этой области международного права, т. е. в международном морском праве, в сторону прогресса, было намного медленнее, чем в области общего международного права.

Это объяснялось, во-первых, невозможностью изменить природу специального международного права в сторону демократии до того, как это же самое будет сделано с общим международным правом, поскольку последнее уже тогда являлось основой международного морского права.

Во-вторых, прогресс человечества и научно-техническая революция только за последние 10—15 лет привели к четкому выделению международного морского права в отдельную отрасль.

Известно, что главная антиимпериалистическая сила, которая оказалась способной и содержание, и форму значительного числа норм международного права поставить на демократическую основу, — Советский Союз смог развить свой торговый и военный флоты лишь после второй мировой войны. А без широкого выхода Советского Союза на Мировой океан невозможно говорить о демократизации норм международного морского права.

Именно так и получилось. Нормативным отражением этого явилось заключение Женевских конвенции по морскому праву 1958 г., с одной стороны, кодифицировавших обычное международное морское право, а с другой, отразившее, в значительной мере под влиянием СССР определенные демократические положения послеоктябрьской эпохи.

На современном международном морском праве сказалась закономерность международного права — отход его от основного крена в сторону “права войны” к “праву мира”, закономерность, в проявлении которой роль Советского государства также была главной и ведущей.

Кстати, это положение лишний раз опровергает клеветническое утверждение о том, будто Советский Союз действовал заодно с империалистическими державами и, якобы как великая держава выступал против интересов малых и развивающихся стран.

Говоря об изменении морской правоспособности государств под

влиянием Советского Союза, следует иметь ввиду, что этот процесс являлся и является довольно медленным и сложным, потому что:

1. установление норм международного права, требующее согласования позиций многих государств, а тем более классово различных — процесс сложный и длительный.

2. общее развитие темпов международного нормотворчества до второй мировой войны было значительно более медленным, чем после второй мировой войны. Это определялось различными обстоятельствами, как политического, так и технического характера: отсутствием более или менее крупной группы государств демократической, антиимпериалистической, антиколониальной ориентации, отсутствием международной организации, способной обеспечить переговоры государств и разработку ими проектов новых договоров. В последующем этим занялись Комиссия международного права ООН, Шестой (Юридический) комитет ООН, Комитет по мирному использованию дна морей и океанов за пределами действия национальной юрисдикции и другие организации.

Положение в области международного морского правотворчества резко изменилось под влиянием выхода Советского государства и других социалистических стран (например, Польши, Болгарии и других) на моря и океаны, благодаря общему росту флотов под влиянием НТР.

Международная морская правоспособность государств, опираясь на юридическую платформу Устава ООН и другие акты мирного сосуществования, с одной стороны, а с другой, на могучую поддержку стран социализма, — стала демократичной.

Однако, международная морская дееспособность многих государств еще значительно отстает от их международной морской правоспособности, что впрочем, составляет общую закономерность развития международного права вообще.

Тем не менее, заметна тенденция, согласно которой демократическая морская правоспособность плюс демократические фактические акции государств все больше влияют на демократизацию морской дееспособности государств и всей теории и практики международного морского права в целом.

Важнейшее влияние Октября на международное право заключается и в том, что внутренняя система государственного права Советской страны, как активного рычага, исправляющего фактическое неравенство граждан, была перенесена в международные отношения и международное право, и тоже становится уже не формальным регистратором отношений неравных субъектов, а правом, помогающим ликвидировать это неравенство.

На смену формальному пассивному международному праву постепенно приходит неформальное активное международное право. Этот процесс характерен и для международного морского права, создание норм которого в этом плане даже опережает создание норм общего международного права.

Таким образом, современное международное право в самом себе уже несет активные начала его реализуемости.

Современное международное право “заботиться” о своей реализуе-

мости. А это означает, что современное международное право — послеоктябрьское международное право само способствует повышению дееспособности всех государств и других субъектов международного права.

Роль социализма в повышении и развитии морской правоспособности и дееспособности государств.

Эта роль исключительно велика. Она определялась энтузиазмом и творческой активностью раскрепощенного народа, не только на суше, но и на море, большими возможностями планового хозяйства, коммунистической научной организацией труда, социалистическим государственным управлением и государственным финансированием, отсутствием частных компаний и фирм, руководствующихся принципами алчности, личной наживы, отсутствием кризисов и безработицы.

Она определялась также высокими идеями достижения всеобщего мира, мирного сосуществования государств различных социальных систем и, в конечном счете, разоружением, как идеалом социализма.

Важным импульсом для развития дееспособности государств являлся принцип пролетарского (социалистического) интернационализма. Будучи принципом братских, товарищеских, бескорыстных отношений государств-единомышленников, принцип социалистического интернационализма содействовал максимальному раскрытию прав и правоотношений государств и народов, которые придерживались этого принципа.

Благодаря принципу пролетарского (социалистического) интернационализма дееспособность социалистических государств во взаимоотношениях друг с другом существенно отличалась от дееспособности государств капиталистической системы во взаимоотношениях друг с другом.

Именно благодаря дееспособности отношения между социалистическими странами были намного демократичнее, глубже и являлись образцом отношений нового типа.

Основные принципы современного международного права приобрели во взаимоотношениях социалистических стран качественно новую окраску и содержание, что дало основание В.М. Шуршалову и А.С. Бахову говорить о качественно новом содержании принципов общего международного права во взаимоотношениях социалистических стран, а Е.Т. Усенко выдвинуть тезис о наличии во взаимоотношениях социалистических стран “одноименных” принципов общего международного права с новым содержанием, присущим только странам социализма.

Можно с полным основанием утверждать, что именно дееспособность социалистических стран внесла новое качество в общую международную правоспособность присущую государствам.

Во взаимоотношениях социалистических стран имелись оптимальные условия для максимального перевода правоспособности этих государств в дееспособность:

В основе таких оптимальных условий лежал великий и многогранный принцип социалистического интернационализма.

Это, конечно, не исключало возможности определенной дистанции между правоспособностью и дееспособностью каждого социалистичес-

кого государства, а также различного уровня дееспособности у каждого социалистического государства, что определялось их фактическими различиями, наследством прошлого и присущей всем государствам общей закономерностью отставания дееспособности государства от его правоспособности.

Если колониалистское толкование элементов правоспособности и дееспособности народов было направлено на оправдание установленного колониализмом неравенства и угнетенного положения, то социалистическая концепция правоспособности и дееспособности государств, являвшихся суверенными и равноправными, и относившаяся ко всем и к любому государству, имела своей целью реалистический анализ международных правоотношений, содействие повышению эффективности международного права, оптимальному развитию и правоспособности и дееспособности всех государств и, в первую очередь, развивающихся стран.

Экономическое содействие и помощь социалистических стран развивающимся, внешняя политика социалистических стран, направленная против империализма, колониализма и неоколониализма, содействовала быстрому укреплению позиций развивающихся стран в международных отношениях, их экономической самостоятельности и политической независимости. Все это широко известно и позволяет говорить об активном и широком содействии социалистических стран развитию как конкретной правоспособности, так и дееспособности развивающихся стран в международных отношениях.

Конкретная правоспособность развивающихся стран ширилась благодаря тем равноправным и демократическим международным договорам и соглашениям, на которые столь неохотно, и то под влиянием стран социализма, шли капиталистические державы, бывшие метрополии и, которые не только на безкабальных условиях, но и на основе различных льгот заключали социалистические страны.

Конкретная правоспособность и дееспособность развивающихся стран ширится за счет их контактов и соглашений между собой. Достаточно отметить, что после второй мировой войны, благодаря поддержке СССР и других социалистических стран, на обломках колониальных империй возникло более 100 новых государств.

Их международные договорные отношения между собой создают обширную сеть международно-правовых отношений, международную правоспособность каждого из них.

Таким образом, в наши дни, благодаря тому, что были в мире социалистические страны, национально-освободительные движения и научно-техническая революция, шло бурное развитие и правоспособности и дееспособности новых государств, возникших на развалинах колониальных империй.

В этой связи, в современную эпоху можно говорить о начале массовости и массированности правоспособности и дееспособности как по видам международных отношений, так и по интенсивности применения этих институтов. Например, в международных морских отношениях — это уже не только традиционное торговое и военное мореплавание и рыболовство, но и морская геология — добыча нефти,

газа, металлов и др.; охрана морской среды; научно-исследовательская работа и т. д.

§ 9. Правоспособность и дееспособность государств на Мировом океане вчера, сегодня и завтра

Вчера и правоспособность и, тем более дееспособность государств не только на море, но и на суше были уделом немногих государств.

Большинство народов и государств было лишено не только дееспособности, но и правоспособности, потому, что они не могли от своего имени заключать международные договоры и соглашения (колониальные и зависимые страны).

Объем правоспособности и дееспособности у тех немногих государств, которые ею пользовались, также был ограничен в силу ограниченности круга международных отношений, а также круга отношений, регулируемых международным правом.

С прогрессом человечества и возрастанием роли и организованности народа, благодаря революциям — этим подлинным “локомотивам истории” (К. Маркс), эти круги отношений постоянно расширялись и шли по спирали из рабовладельчества в феодализм, из феодализма в капитализм, из последнего в социализм, благодаря Великой Октябрьской социалистической революции.

Сегодня нет государств, которые не были бы международно правоспособны или дееспособны. Современное международное право признает все государства, международно правоспособными и дееспособными.

Но существует большой разрыв между правоспособностью и дееспособностью многих государств, не все государства располагают достаточной дееспособностью на Мировом океане, а значительное число государств (многие внутриконтинентальные страны и др.) ее почти не имеют.

Можно полагать, что “завтра”, в результате научно-технического прогресса все государства будут увеличивать свою и правоспособность и дееспособность.

Разрыв между правоспособностью и дееспособностью каждого государства будет сокращаться, а правоспособность и особенно дееспособность разных государств будут максимально близки друг к другу.

Вместе с тем, по-видимому, не может быть, с одной стороны, полного совпадения между правоспособностью и дееспособностью данного государства, поскольку, по тем или иным причинам, государство может считать нецелесообразным превращать свою правоспособность в дееспособность в том или ином конкретном вопросе или случае и может довольствоваться сохранением своих прав в потенции. Например, внутриконтинентальное государство имеет право содержать научно-исследовательские суда на морях и океанах, но оно не пожелает реализовать это свое право, предпочтя посылать своих ученых-океанологов на научно-исследовательское судно другого государства, или просто получать от последнего соответствующую научную информацию.

Или другой пример. Имея право содержать свой рыболовный флот

на Мировом океане, определенное государство предпочтет не заниматься сложным делом рыболовства и рыбопроизводства, а предпочтет закупать готовую рыбную продукцию и полуфабрикаты у традиционно рыбопромышляющих государств, исходя из сложившегося международного разделения труда и обмена. Здесь можно констатировать, что дееспособность разных государств будет, в значительной степени, оставаться качественно различной именно в силу различий производства и обмена различных стран, в силу международного разделения труда.

С другой стороны, можно полагать, что не может быть в будущем равного объема дееспособности всех государств.

Неравенство специальной дееспособности различных государств Земного шара будет, по-видимому, сохраняться в связи с международным разделением труда, в результате которого одни государства будут специализироваться на добыче нефти и газа в большей мере, чем другие, или даже исключительно, другие будут заняты организацией и устройством морских ферм, плантационных хозяйств и аквакультуры, третьи — преуспевать в морском туризме (например, небольшие карликовые государства). Четвертые будут развивать свою дееспособность в торговом судоходстве и/или рыболовстве и так далее.

В этом случае, неравенство дееспособности государств будет, как бы, видовым, т. е. по видам морепользования.

Кроме того, это неравенство дееспособности может быть и по объему: одни государства будут использовать те или иные свои права на море в большей степени, другие — в меньшей.

Так, в ближайшие годы (пока еще будут сохраняться военно-морские флоты) одни государства будут иметь больше военно-морских сил, большее число единиц боевых кораблей, другие меньше, а третьи по соображениям географическим (внутриконтинентальные страны) или экономии (средства понадобятся для других целей), вообще не будут содержать военно-морской флот или содержать небольшой флот.

Таким образом, даже “завтра” в эпоху расцвета НТР и существенного прогресса и процветания государств, морская дееспособность государства не обязательно будет равна его морской правоспособности.

Однако это расхождение между правоспособностью и дееспособностью главным образом уже будет не вынужденное, в силу отсутствия у государства тех или иных возможностей, экономических и технических потенций, а добровольным, в силу субъективного нежелания соответствующей страны, ввиду отсутствия необходимости реализовать свою морскую правоспособность.

Такова эволюция вопроса о соотношении правоспособности и дееспособности с начала их возникновения и на ближайшее обозримое будущее.

¹ См. об этом *Морозов Г. И.* ООН в свете тенденций будущего, изд-е ИМЭМО АН СССР, 1974, июнь, стр. 8 (ротатор).

² О потребностях населения и их значении в международных отношениях и политике государств см. материалы конференции ЮНИТАР, состоявшейся в июне 1974 г., в Москве.

³ См. *Богуславский М. М.* Международное частное право, М., 1974.

⁴ См. об активной роли и международно-правовом значении национальных и международных организаций трудящихся работы М. И. Лазарева, Г. П. Задорожного, В. В. Кравченко и других ученых.

⁵ Так, по мнению американского профессора Дж. К. Гэмбла для реальной охраны своей морской экономической зоны государство должно выделить часть своего военно-морского флота на патрулирование, что большинству государств совершенно не под силу.

⁶ *Васильев А. В.* Правовые категории, М., "Юридическая литература", 1976.

⁷ *В. И. Ленин.* Полное собр. соч., т. 23, с. 43—44.

⁸ Совершенно правильно В. М. Шуршалов указывает, что "создание международных норм невозможно без вступления государств в правовые отношения" (см. *Шуршалов В. М.* Международные правоотношения, М., "Международные отношения", 1976, стр. 91) На с. 102 того же труда В. М. Шуршалов приравнивает правоспособность к правосубъектности, тем самым полностью исключая дееспособность государств. Упоминание о дееспособности встречается у него только один раз.

⁹ В гражданском праве правоспособность — это "признанная государством способность физических лиц (граждан) и юридических лиц иметь права и нести обязанности, предусмотренные и допускаемые законом (БСЭ, 3-е изд-е, т. 20).

¹⁰ См. "Дееспособность в праве", БСЭ, 3-е изд-е, т. 8, автор статьи доктор юридических наук, профессор *В. А. Кабатов.*

¹¹ "Теория государств и права", М., "Юридическая литература", 1972, под ред. *А. И. Денисова*, стр. 32—33.

¹² "Теория государства и права", под ред. *А. И. Денисова*, стр. 455

¹³ Там же, стр. 456.

¹⁴ *Тихомиров Ю. А.* Проблемы теории социалистической Конституции, "Советское государство и право", 1978, № 2, с. 10.

¹⁵ "Международное право", Свердловск, 1974, под ред. *Остапенко Д. Д.*, Игнатенко Г. В.

¹⁶ *Черниченко С. В.* Личность и международное право, М., 1974, с. 155.

¹⁷ См. *Лист Ф.* Международное право в систематическом изложении, перевод с пятого немецкого издания под редакцией *В. Э. Грабаря*, Юрьев (Дерпт), 1909, с. 60—61.

¹⁸ *Сперанская Л. В.* Международно-правовая охрана морской среды, М., "Наука", 1977, стр. 172.

¹⁹ Например, не может являться причиной ограничения дееспособности государства его "малолетство" — молодые государства с первых же минут своей независимости пользуются полной правоспособностью, а их дееспособность не ограничена мотивами их ранней стадии развития.

²⁰ Применительно к государству, случай душевного заболевания правительства является внутренним делом данного государства и разумеется, гипотетичен, что лишний раз свидетельствует о неприменимости гражданско-правового содержания тех или иных институтов к государствам без соответственного их изменения в спектре государственных и межгосударственных отношений.

²¹ Со временем этот источник ограничения дееспособности должен исчезнуть, так как все прогрессивное человечество, Советский Союз (а ныне Россия) и другие социалистические страны борются за решение проблемы разоружения. СССР вынужден был временно проводить ракетные испытания в Океане в интересах самообороны от агрессивных планов.

²² Мы говорим "в традиционных и признанных территориальных водах", так как о подобной постановке вопроса не может быть и речи применительно к произвольно, в одностороннем порядке установленным некоторыми государст-

вами так называемых "территориальных вод, размером, превышающим норму международного обычного права в 12 морских миль, в частности, в так называемых 200-мильных "территориальных водах".

²³ См. об этом *Бекяшев К. А.* О несостоятельности попытки коренного пересмотра принципа свободы рыболовства в открытом море, "Рыболовное хозяйство", 1972, № 2, стр. 29—30.

²⁴ Своекорыстный характер предложений об ограничении принципа свободы рыболовства в открытом море, с которыми выступают американские авторы Кристи, Скотт и Крачфилд справедливо подчеркнут в указанной ранее статье К. А. Бекяшева (там же стр. 29).

²⁵ "A Constitution for the Oceans" *Pacem in Maribus II*, Draft Declaration of Principles, Malta, June 29 — July 5, 1971, p. 20.

²⁶ Имеется ввиду относительный покой. Кроме того, здесь мы не касаемся вопроса о собственном движении права, например, в результате кодификации.

²⁷ См. труды *Коровина Е. А., Левина Д. Б., Ушакова Н. А.* и других ученых.

²⁸ В течение длительного времени империалистические страны проводили на международной арене политику жесткой изоляции ряда социалистических стран — ГДР, ДРВ, КНДР и других.

²⁹ См. *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность. (очерк теории), М., "Юридическая литература", 1976, стр. 4, 85, 95, 103 и след.

Статья поступила в редакцию в январе 2000 г.